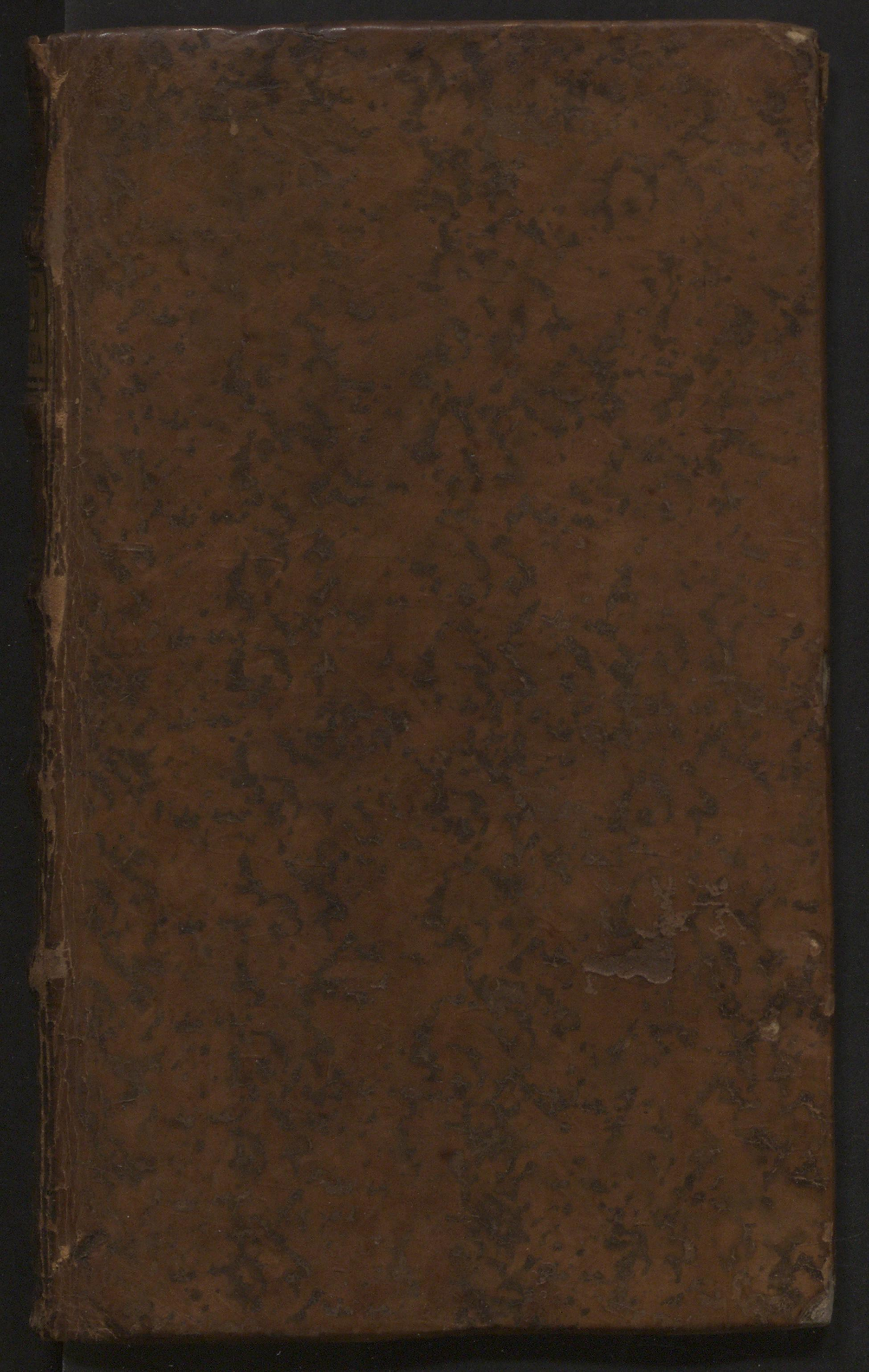

ВОСТОЧНЫЯ ЧУДЕСА.

переводъ съ Арабскаго.

Москва.

ВЪ типографїи Пономарева.
1787.

Печатано
съ указнаго дозволенія.

ПРЕДИСЛОВІЕ,

КОТОРОЕ ДОЛЖНО ПРОЧЕСТЬ.

Можетъ быть найдутся такіе читатели, которые захотятъ знать, какимъ образомъ достался мнѣ Арабской подлинникъ сея книги; отвѣтомъ на сіе послужитъ одно только слово: не знаю. *Помнится мнѣ, что когда я еще не существовалъ, то прапрадѣдъ мой разсказывалъ прадѣду моему, что сія книга сочинена на Персидскомъ языкѣ* Абессарамомъ, *славнымъ Магомъ, и содержала въ себѣ преданія* Зороастровы. — *Спустя нѣсколько столѣтій, съ уничтоженіемъ поклоненія священному огню, и она уничтожилась, но по прошествіи послѣ сего весьма многаго времени найдена она при жизни* Магометовой, *когда на построеніе* Меккскаго *храма*

вырывали изъ горы Авбукабисъ камни.—Мусульманы показали ее своему Пророку, который, какъ великiй Политикъ своего времени, захотѣлъ воспользоваться симъ памятникомъ древности, и выставить его за новое на Алкоранъ изъясненiе; чего ради приказалъ сiю книгу перевесть на Арабской языкъ, но чтобъ уничтожить имя Оромацово и Зороастрово, то повелѣлъ поставить въ переводѣ, вмѣсто Оромаца, имя Аллы, вмѣсто Зороастра, Магомета. Думалъ онъ, что чрезъ сiе увеличитъ блескъ своей славы; но какъ начали читать сiе преданiе на Арабскомъ языкѣ, то вмѣсто иносказательныхъ повѣствованiй, каковыя находились въ сей книгѣ, при именахъ Оромаца и Зороастра, съ именемъ Магометовымъ оказалось одно слабое подражанiе сказкамъ

Шехеразады, что, можетъ быть, выдетъ и на Россійскомъ языкѣ, ежели читатель будетъ думать, что всѣ чудеса, которыя упоминаются въ сей книгѣ, производилъ МагометЪ съ своими послѣдователями, и ежели не будетъ; .... тутъ читатель самъ можетъ догадаться, ежели ему есть досугъ разсуждать о бездѣлицахъ.

Parturiunt montes, nascitur ridiculus mus.

ВОСТОЧНЫЯ ЧУДЕСА.

За полторы тысячи лѣтъ до царствованія Халифовъ на востокѣ, по счисленію нѣкоего Арабскаго хронографа, въ Дамаскѣ былъ одинъ Султанъ, изъ поколѣнія Софіевъ, именемъ Субганъ *. Счастіе наградило его всѣми своими сокровищами; но онъ скучалъ ими, не имѣя дѣтей. Троекратное путешествіе въ Мекку ко гробу Магометову, строеніе для Дервишей монастырей и возстановленіе боль-

* СУБГАНЪ, на Арабскомъ языкѣ значитъ милостивый.

ницъ для бѣдныхъ странниковъ, не помогало ему къ полученію наслѣдника. Въ одно утро, когда онъ, по закону Мусульмановъ, сдѣлавши омовеніе, приносилъ слезную молитву, предсталъ предъ него старикъ величественнаго вида.— Субганъ, говорилъ онъ, небо услышало твои моленія, и желаніе твое исполнится вскорѣ: любимая изъ твоихъ Султаншъ, обитающихъ въ Создалѣ подъ завѣсою сокровенія, родитъ тебѣ сына, котораго назови Екберъ-Мулькомъ *. Сіе произойдетъ въ скоромъ времени, естьли, помазавши губы тукомъ изъ птицы Кокноса, трижды поцѣлуешь правое плечо любезной твоей супруги, призывая имя Аллы **. — Сказавши сіе изчезъ, и оставилъ по себѣ благовоніе, подобное ароматамъ цѣлительныхъ бальсамовъ Аравійскихъ. Субганъ стоялъ не подвижимъ отъ радости. Онъ не зналъ, вѣрить

* ЕКБЕРЪ-МУЛЬКЪ, вышнее царство.
** АЛЛА богъ.

ли словамъ явившагося старца, или почесть за привидѣнїе. Наконецъ, положившись на промыслъ управляющаго дскою Гемалъ-Кетабы *, приказалъ черному невольнику достать прежде объявленную птицу. Невольникъ въ скорости возвратился съ птицею Кокносомъ. Султанъ наполнился веселїемъ, увидя ее, и заколовши, лишь только помазалъ свои губы тукомъ, почувствовалъ, что легкость разлилась по его тѣлу. — О божественный старецъ, говорилъ онъ въ восхищенїи, идя въ чертоги Султаншъ! Ты конечно былъ тотъ Геруилъ, о коемъ часто упоминается въ Гадитахъ **. Любезная Лилїя, сказалъ онъ своей супругѣ! Небо насъ награждаетъ; наслѣдникъ моего престола, любезный Екберъ-Мулькъ, долженъ родиться отъ тебя, моя

* ГЕМАЛЪ-КЕТАБА, значитъ КНИГА СУДЕБЪ, или дска свѣта.

** ГАДИТАМИ нѣкоторыя изреченїя Магометовы, въ Алкоранѣ, называются.

Султанша. Лилія удивилась, видя въ такомъ восторгѣ своего мужа: но добродѣтельный Субганъ, разсказавши случившееся съ нимъ, вывелъ ее изъ сомнѣнія. Съ дозволенія прекрасной Лиліи исполнилъ онъ повелѣніе волшебника.

Уже приходилъ срокъ, данный отъ природы женщинамъ въ ношеніи чадъ, и съ пріумножавшимся временемъ, пріумножалась радость простосердечнаго Субгана. Наконецъ наступила послѣдняя минута, и Лилія произвела на свѣтъ прекраснаго сына, подобнаго Маю мѣсяцу.——Хвала милосердому Богу, говорилъ Султанъ, принимая его въ свои объятія; любезный мой сынъ Екберъ-Мулькъ, да продолжатся лѣта твои, яко листья кедровъ Антиливанскихъ, и да умножатся подобно лѣтамъ Султана Метусала!—— Въ жертву великому Аллѣ принесъ онъ своими руками двухъ голубей, пойманныхъ въ пустыняхъ Ликійскихъ. Онъ роздалъ по монастырямъ двѣсти тысячь,

на возобновленіе гостинницъ и на содержаніе странныхъ сорокъ тысячь секиновъ.

На пятомъ году своего возраста Екберъ-Мулькъ могъ стрѣлять изъ лука и играть малвою. Онъ былъ удивленіемъ всего Дамаска. Нѣкогда съ тремя стами черныхъ Евнуховъ, тритцатью невольницами и двѣнатцатью молодыми дѣвушками отпустилъ его отецъ прогуливаться на море. Шлюбка была украшена разноцвѣтными лентами, золотомъ, и по мѣстамъ изумрудами. Матросы были одѣты въ щегольское платье, и хоръ многихъ пѣвцовъ разносилъ прекрасныя пѣсни по водамъ. Все изъявляло веселіе, кое въ скорости прекратилось: ибо, когда они находились на восемь стадій отъ берега, и приставали къ ближайшему острову, нечаянно большое разбойническое судно, стоявшее на рейдѣ за островомъ, съ стремленіемъ напало на ихъ шлюбку. Всѣ пріуготовились къ оборонѣ, но тщетно.

Поверженные въ сладости забавъ не могутъ противиться рукѣ, прїобыкшей къ пролитїю крови. Сраженїе продолжалось съ обѣихъ сторонъ съ равнымъ успѣхомъ. На послѣдокъ одинъ изъ разбойниковъ, съ обнаженною саблею вскочивши на шлюбку, принудилъ своимъ примѣромъ прочихъ слѣдовать за собою. Алчность къ войнѣ и желанїе получить добычь способствовало варварамъ одержать побѣду. Все было разграблено, разрушено и опустошено. Уже намѣрялись потопить плѣненную шлюбку, какъ услышали плачь изъ одной каюты; съ стремленїемъ бросились къ сему мѣсту; но въ какое пришли удивленїе, увидѣвши прекраснаго отрока, сидящаго на рукахъ старыя невольницы. Печальный его видъ, усубляя прелести его, смягчилъ ожесточенныя сердца варваровъ, жаждущихъ крови. Ето былъ самый Екберъ-Мулькъ, сынъ Дамасскаго Монарха. Его представили начальнику, который съ радостїю нарекъ его своимъ сыномъ.

Разбойники, получившии столь богатую добычу, предались веселостям, и лишь винные пары ихъ разгорячили; вдругъ ярость вселилась въ ихъ сердца. Оружїе заблистало въ ихъ рукахъ надъ головами другъ друга. Въ самое сїе время Дамасскїй Султанъ, уведавъ несчастное приключенїе своего судна съ драгоценнымъ залогомъ, тотчасъ повелелъ вооруженному фрегату подъ своимъ предводительствомъ пуститься за разбойниками на всехъ парусахъ. Крикъ Субгановыхъ воиновъ, желающихъ освободить младаго своего Государя изъ рукъ хищниковъ, уже достигалъ до судна разбойниковъ: но они сего не чувствовали, поражая въ неистовстве другъ друга. Не могъ никто тогда сомневаться, чтобъ злые духи Мункиръ и Некиръ * не присутствовали между ожесто-

* МУНКИРЪ и НЕКИРЪ, по толку Магометанъ, суть два злые духи, вооруженные железною палицею и долгимъ разженнымъ крюкомъ. Они присутствуютъ при смерти

ченными разбойниками, и не воспаляли своими факелами ихъ сердца къ ярости. Глаза воиновъ были свидѣтелями погибели многаго числа союзниковъ, умерщвляемыхъ отъ собственныхъ своихъ рукъ.

Субганъ при семъ ихъ смятенiи повелѣлъ своимъ салдатамъ бросать стрѣлы на непрiятелей: чѣмъ будучи приведены они въ чувство, прекратили свое бѣшенство, и готовились къ защищенiю: но поздно. Матросы прицѣпили ихъ судно крючьями къ своему фрегату. Отчаявшiеся побѣды варвары кричали, бѣгали, бросали дротики и стрѣлы безъ всякой пользы: переднiе воины Суб-

вѣрующихъ преданiямъ Алкорана, изъ которыхъ естьли кто всегда почиталъ Магомета, и его заповѣди наблюдалъ свято, то сiи демоны со стыдомъ прогоняемы были двумя добрыми духами. Естьли же кто не исполнялъ съ точностiю правилъ Алкорана, то Мункиръ и Некиръ ругаются надъ тѣмъ и мучатъ. Ихъ же должность производить раздоръ и брани.

гана все сїе подхватывали на своихъ щитахъ, объ кои ударяясь оружїе разбойниковъ, съ множествомъ искръ переломленное упадало въ море. Повсюду обитало смятенїе. На послѣдокъ Атаманъ рѣшилъ судьбу сраженїя симъ печальнымъ образомъ: онъ явился на палубѣ, пылая неистовствомъ и мщенїемъ, держа за руку молодаго Принца. — Злодѣй! кричалъ онъ Дамасскому Султану, смерть безчисленныхъ моихъ воиновъ пусть удовольствована будетъ сею жертвою. — Сказавши сїе, повергъ его въ море; а самъ, падши на мечь свой, поглощенъ былъ свирѣпствующими волнами.

Какое зрѣлище для неблагополучнаго отца! Перо мое не въ силахъ ясно начертать той печали, которая снѣдала его сердце. Тысяча рукъ были готовы освободить несчастнаго Екберъ-Мулька изъ нѣдръ влажныя стихїи, но все было не дѣйствительно. Великой Делфинъ, взбросивши

его на свой хребетъ , погрузился съ нимъ въ бездну моря.

Плачь воиновъ , мѣшаясь съ шумомъ колеблющихся волнъ , наполнялъ воздухъ печальнымъ отзывомъ. Субганъ лежалъ безъ чувствъ на софѣ, окруженный своими тѣлохранителями. Лишь только въѣхали въ гавань , весь Дамаскъ наполнился стономъ.— О побѣда , возопилъ Султанъ , побѣда , исполненная горести! Дражайшiй сынъ ! гдѣ ты ? Можетъ быть ты лежишь безъ дыханiя , поверженъ на пескѣ необитаемаго берега. Можетъ быть чрево похитившаго тебя чудовища служитъ тебѣ гробомъ. О великiй пророкъ! ты даровалъ мнѣ сына ; но почто не открылъ несчастiе, случившееся въ то время , когда я радостными очами взиралъ на любезнаго наслѣдника моего престола ? Милосердое небо ! прекрати дни мои. Азраилъ! * почто своею смерто-

* Азраилъ почитался у Магометанъ Ангеломъ смерти.

смертоносною десницею не исхитишь изъ меня души?

Въ такомъ находясь отчаянїи, приказалъ готовиться всѣмъ, какъ бы къ погребенїю своего сына. — Пускай я воззрю, говорилъ онъ, въ послѣднїй разъ на помпу, не достойную свершиться надъ любезнымъ Екберъ Мулькомъ, который, выходя изъ младенчества, съ ревностїю взиралъ на готовящїеся ему лавры.

Начались обряды погребенїя: четыре союзные Принца несли на золотыхъ рамахъ гробъ, назначенный Екберъ Мульку. Иманы со служителями шли предъ гробомъ, и пѣли надгробныя пѣсни. Разныя секты отшельниковъ слѣдовали за ними, и изъ нихъ первѣйшїй держалъ въ рукѣ съ благоговѣнїемъ Алкоранъ. Печальная музыка прерываема была воплемъ народа. Евнухи, пажи и всѣ царскїе чиновники несли изломанныя стрѣлы съ луками и лошадиные хвосты. Сеçральскїя невольницы, имѣя на-

мазанныя руки черною краскою, обезображенное лицо и растрепанные волосы наполняли воздухЪ плачевнымЪ крикомЪ. ВЪ заключенїе сей церемонїи на драгоцѣнныхЪ носилкахЪ несли Султана и Султаншу, погруженныхЪ вЪ неописанную горесть. Сїя слезная помпа лишь достигла до кладбища ПринцевЪ царскїя крови; вдругЪ поколебалась земля, и кЪ величайшему всѣхЪ ужасу изЪ ея отверстїя предсталЪ прежде являвшїйся старикЪ.

СубганЪ! говорилЪ онЪ сЪ веселымЪ лицемЪ, стенанїя твои и подданныхЪ твоихЪ тщетны. СынЪ твой живЪ — ЖивЪ, прервалЪ СултанЪ? ахЪ, боже мой! какой лучь радости озаряетЪ мое сердце! . . . Но что я? ОнЪ подлинно живЪ; но живЪ вЪ обиталищѣ пророка Магомета — Ты ошибаешся, продолжалЪ старикЪ, онЪ находится вЪ моей власти. ДелфинЪ, погрузившїй его вЪ море, былЪ КабалистЪ ІолЪ-Текад-

десе *, коего видишь ты во мнѣ — Сказавъ сїе, старикъ сокрылся. Все погребательное торжество было симъ случаемъ прервано, и Султанъ со всею своею свитою возвратился во дворецъ, гдѣ предался снѣдающей его горести, не довѣряясь рѣчамъ Кабалиста. Но оставимъ сего сѣтующаго Государя, и начнемъ повѣствованїе о приключенїяхъ Екберъ - Мулька.

Кабалистъ, сохранивши отъ потопленїя Дамасскаго Принца, принялъ подлинной свой видъ не прежде, какъ приплылъ къ тому острову, гдѣ было его жилище. Пещера, изсѣченная искуствомъ природы въ одной каменной горѣ,

* ІОЛЪ - ТЕКАДДЕСЕ значитъ путь святой.

КАБАЛИСТЪ, производится отъ Еврейскаго слова КАБАЛА, что означало нѣкую таинственную науку у Іудеевъ, состоявшую въ тайномъ преложенiи буквъ. Она была двоякаго рода: первую называютъ Іудеи ДЕ МАРКАВА, и полагаютъ въ ней ученїе о всемъ, что ни есть духовное; другую же ДЕ БРАССИЛИ; она тоже, что и натуральная Магїя.

окруженной густымъ миртовымъ лѣсомъ, была его обиталищемъ. Въ ней-то онъ посвящалъ дни своея спокойныя старости на разсматриванїе таинствъ природы, и въ сихъ-то мѣстахъ вознамѣрился воспитать младаго Принца, коего разумъ столь былъ проницателенъ, что въ скоромъ времени изучилъ правила Землеописанїя, Математики, Праворазумѣнїя и Любомудрїя, а наипаче Алкоранъ, яко превосходнѣйшее сокровище всѣхъ сокровищъ. Невинныя упражненїя препровождали цвѣтущїе дни его, и единая добродѣтель разстилала предъ его стопами свои розы. Когда сему Принцу минуло пятнатцать лѣтъ, то Кабалистъ, прогуливаясь съ нимъ въ одинъ день на берегу моря, говорилъ ему такъ: ,,Любезный сынъ! возрастъ, въ которой ты вступаешь, отверзаетъ предъ тобою двери къ блаженству и несчастїю. Естьли ты пойдешь прямымъ путемъ своея жизни, то достигнешь того предмета, отъ коего могутъ изтекать не токмо временныя, но и вѣчныя сладости.

Я надѣюсь на твой созрѣвающїй разсудокъ, и увѣренъ, что тайна, которую тебѣ открою, не премѣнитъ твои добродѣтельныя мысли, и не сдѣлаетъ ихъ противными законамъ невинности. . . . Ты сынъ Монарха, обладающаго изобильною страною. Младенческїя твои лѣта воспрепятствовали тебѣ познать цѣну твоихъ несчастїй.,,— По семъ разсказалъ Кабалистъ Царевичу случившееся съ нимъ, и продолжалъ свою рѣчь слѣдующимъ образомъ: излишняя роскошь бываетъ погибелїю блаженства и нарушенїемъ благополучїя. Благополучїе съ Государями никогда быть не можетъ, естьли не будетъ владычествовать въ нихъ премудрость, кротость, отеческое снисхожденїе къ подданнымъ и благоразумїе. Всѣ сїи добродѣтели превосходятъ злато, ослѣпляющее глаза смертныхъ; онѣ драгоцѣннѣе рубиновъ, перловъ и брилїантовъ блистающихъ на главныхъ Султаншахъ обладателей правовѣрныхъ. Словомъ, великолѣпкыя позорища, драгоцѣнные аро-

маты, пурпуровыя вина, и все, что ни находится дражайшаго изъ тлѣнностей въ свѣтѣ, сїи добродѣтели сто кратъ превышаютъ. . . . Все сїе, любезный сынъ, я говорю тебѣ для того, дабы ты великодушно сносилъ все, предписанное тебѣ судьбою. Жизнь твоя будетъ растворена несчастїемъ и благополучїемъ — Помни, мой сынъ, слова сїи, чрезъ которыя пребудешь до скончанїя жизни благополученъ Когда же тебѣ случится среди твоихъ приключенїй опасность, выговори мое имя, то увидишь меня къ твоимъ услугамъ всегда готоваго. — Сказавъ сїе Кабалистъ дунулъ на ЕкберъМулька, который, легши на траву, погрузился въ глубокой сонъ.

Когда открылъ онъ свои глаза, въ какое пришелъ удивленїе, узрѣвши себя посреди пустыни, близъ густаго лѣса! Платье на немъ было военное, и сабля, осыпанная брилїантами, была опоясана по бедрѣ. Онъ не сомнѣвался, чтобъ все сїе не было произведено воспитав-

шимъ его Кабалистомъ; и такъ положившись на волю судебъ, пошелъ въ близъ лежащїй лѣсъ. Прекрасное расположенїе деревъ, журчанїе между кустовъ текущихъ источниковъ и пѣнїе птицъ приводило въ восторгъ младаго Царевича.

Едва вошелъ онъ въ средину лѣса; какимъ блескомъ поражены были его глаза, когда онъ увидѣлъ лежащую на травѣ неописанныя красоты дѣвицу! Черные ея волосы локонами вились по ея плечамъ, которые играющїй Зефиръ обнажалъ, подымая флеровую косынку. Нѣжный румянецъ игралъ на бѣлѣйшихъ лилей щекахъ, и вѣнокъ прекрасныхъ цвѣтковъ увѣнчавалъ подобныя агату ея брови. Ослабшая рука держала натянутый лукъ, а по лѣвую ея сторону лежалъ калчанъ наполненный стрѣлами — Какїя божественныя черты, разсуждалъ Принцъ! Сїе творенїе превосходитъ, по видимому, все то, что ни существуетъ; чтобы сїе было? Сїи прелести не

изъ числа ли тѣхъ тварей, которыхъ Текаддесе называлъ прекраснымъ поломъ? Когда такъ, то я отдалюся отъ сихъ мѣстъ; ибо воспитатель мой часто называлъ родъ сего творенія Василисками, кои, бросая ядъ изъ глазъ, не чувствительно имъ умерщвляютъ всѣхъ, прикоснувшихся имъ по безразсудности. Прекрасный полъ, говорилъ онъ, для тѣхъ, которые чрезмѣрно къ нему пристращаются, подобенъ пагубной, лежащей въ Океанѣ, горѣ, которая, имѣя въ себѣ свойство и силу магнита, привлекаетъ корабли, и дѣлается ихъ погибелью.

Съ сими словами Екберъ Мулькъ желаетъ итти назадъ, но плѣненныя неописанною красотою мысли твердятъ ему, чтобъ онъ остался . . . Для чего? . . . Сіе самому ему непонятно . . . Онъ приближается, и считая вздохи, изходящіе изъ ея груди, и изчезающіе на устахъ, уклоняется опять — О пророкъ, возопилъ онъ, какія сѣти меня окружаютъ! Я не по-

стигаю, что снѣдаетъ мое сердце, и не знаю, какой сладкой, но весьма чувствительный ядъ разливается въ моей крови — Добро, быть такъ, посмотрю на сіи прелести — Молодой Принцъ садится подъ деревомъ противъ покоящейся во снѣ красавицы. Наконецъ она пробуждается, открываетъ плѣняющіе глаза, и узрѣвъ Екберъ-Мулька, беретъ колчанъ, и съ поспѣшностію отъ него удаляется.

Постой, прекрасное созданіе, вскричалъ Царевичь, и объяви мнѣ, кому принадлежатъ сіи мѣста? — Серагѣ, отвѣчала дѣвушка, потупивши глаза, Серагѣ, моей матери — Выговоривши сіе, съ скоростію удалилась, и оставила Екберъ-Мулька, поверженнаго въ неизвѣстную ему задумчивость.

Небо! говорилъ онъ самъ въ себѣ, возможно ли, чтобъ сіи уединенныя мѣста производили столько прелестей, начертанныхъ на лицѣ созданія, подобнаго мнѣ? Сія прекрасная особа не изъ числа ли

тѣхъ прелестныхъ дѣвъ, кои обѣщаны Магометомъ въ саду правовѣрныхъ? Или она какое привидѣніе, явившееся моимъ очамъ, дабы ослѣпить ихъ? Сія прелестная мечта, не знаю, что-то вселяетъ пріятное въ мою душу. Нѣчто, доселѣ мнѣ неизвѣстное, вкрадывается въ мое сердце; я смущаюсь, но не предвижу конца моего смятенія; желаю погасить возгарающійся во мнѣ пламень: но чувствительная сладость побуждаетъ меня питать его въ груди моей. Ехо, раздающееся по всей рощѣ, и разносящее восхитительный тонъ, прервало размышленіе Дамасскаго Принца, за коимъ слѣдовала сія пѣсня:

Въ нѣдрахъ нѣги почивала
Я, покояся всегда,
И сердечнаго не знала
Я мученья никогда:
Но узрѣвъ между кустами
Безпредѣльну красоту,
Чту минуты всѣ годами,
Я люблю . . . кого? . . . мечту.

Сіи слова пронзили сердце Царевича — Какъ, разсуждалъ онъ,

и въ сей-то пустынѣ знаютъ любить! Когда такъ, то пойду, и, можетъ быть, найду плѣнившую меня особу; паду предъ прекрасными ея стопами, или орошать буду слезами тѣ мѣста, гдѣ найду ея слѣды — Сказавъ сїе Екберъ-Мулькъ, пошелъ на слышимый голосъ; но, въ какое пришелъ удивленїе, увидѣвши прекрасную свою обладательницу, сидящую подъ деревомъ, омоченную слезами. — Прекрасная незнакомка, сказалъ онъ жалостнымъ голосомъ, какая печаль дерзнула помрачать твои прелести? — Красавица, взглянувши на Принца, вздохнула, и упала въ обморокъ — Великїй пророкъ, вскричалъ Екберъ Мулькъ! та, которую я рожденъ обожать, гнушается меня! ея прекрасные глаза не могли снести обратившагося на нее почти первый взоръ несчастнаго любовника: но оставимъ сїи разсужденїя; особа, отъ которой зависитъ моя жизнь, требуетъ помощи въ своей жизни.

Онъ беретъ ея руку, орошаетъ ее слезами, и осмѣлившись поцѣ-

ловать ее, возвращаетъ симъ ей чувства. Красавица открываетъ глаза, и взглянувъ на Царевича — Великодушный незнакомецъ, говоритъ она, оставь меня умереть въ сихъ мѣстахъ: прискорбная моя жизнь болѣе мнѣ становится горестною съ сихъ поръ, какъ тебя узрѣла — Вздохъ, послѣдующїй за сими словами, и румянецъ, покрывшїй лице красавицы, подалъ нѣсколько Екберъ-Мельку надежды — Царица моя, говорилъ онъ, удостой повѣренностїю своея жизни жертвующаго тебѣ всемъ Дамасскаго Принца — Небо! что я слышу, вскричала незнакомка? такъ вы Дамасскїй Царевичь? — Такъ, красавица, говорилъ Принцъ, но сїе названїе мнѣ будетъ тягостно, когда я, обладая престоломъ, не получу отъ васъ моего сердца — О пророкъ, возопила она! почто ты не прекратилъ мою жизнь съ моимъ рожденїемъ? И вы, дражайшїе родители, почто даровали мнѣ бытїе? Судьба повергла меня по смерти вашей въ бездну неблагополучїя; но еще

наступаютъ бѣдствія, кои будутъ меня терзать посредствомъ сего добродѣтельнаго Принца! Субгановъ сынъ стоялъ неподвиженъ отъ сихъ словъ — Царица моя, говорилъ онъ, объясни несчастному любовнику вину твоихъ горестей; чрезъ какой неблагополучный случай сдѣлаюсь я орудіемъ твоихъ бѣдствій? Незнакомая красавица начала свою исторію слѣдующимъ образомъ:

ПРИКЛЮЧЕНІЯ ПРИНЦЕССЫ

АТАЛЬ-ГАККИ.

Жизнїю я одолжена Суматрскому * Султану; съ прїумноженїемъ моихъ лѣтъ, приближалось мое неблагополучїе. Всѣ льстили мнѣ, что я прекрасна; однако моя мысль никогда симъ не занималась; я слушала съ хладнокровнымъ видомъ, когда мои подруги говорили, что я своими прелестьми украшаю царство Суматрское. По вступленїи на седьмнатцатый годъ, узрѣла я многихъ вокругъ себя воздыхателей, состоявшихъ изъ союзныхъ моему родителю Ца-

* Островъ СУМАТРА есть одинъ изъ Ост-Индскихъ. Онъ производитъ золото, серебро, шолкъ и коренья. Жители исповѣдуютъ законъ Магомета.

рей, Князей и Принцевъ. Камбайскїй Царевичь былъ тотъ, которому я по принужденїю моего отца должна была вручить себя во власть; мнѣ было несносно, что я не по своему выбору принуждена была дать ему руку: ибо его поступки совсѣмъ были противны моимъ. Онъ былъ чрезмѣрно надменъ, ни о чемъ не думалъ, кромѣ тщеславїя, почиталъ себя красавцомъ, и бралъ меня въ супружество единственно для моего наслѣдства. Уже все было готово къ торжеству; повсюду слышимы были плески веселящагося народа; Герольдъ провозвѣщалъ день моего брака, и тысяча Евнуховъ, нося съ собой мѣшки, наполненные секинами, раздавали ихъ неимущимъ, требуя при томъ, дабы всѣ желали мнѣ счастливаго супружества. На последокъ собрался Диванъ, свѣтскїе чины и духовенство сидѣло по мѣстамъ, и Кади читалъ свадебной контрактъ. Вдругъ небо покрылось мракомъ; потомъ съ громомъ и молнїями явился предъ

очи присудствующихЪ исполинЪ девяти локтей, вооруженный ужаснымЪ мечемЪ, держа притомЪ на плечѣ стальную палицу сЪ шипами. — Царь Сумашрскїй! говорилЪ онЪ, подшедши сЪ гордымЪ видомЪ кЪ трону моего отца; я сынЪ премудрыя ШейшанЪ-Кули *, коея область простирается отЪ бреговЪ Малабарскихъ до земли ДеканЪ. Прелести твоея дочери сдѣлались достойными чувствительности моего сердца; и я, не употребляя для тщеславїя пословЪ, явился предЪ тобою самЪ вЪ настоящемЪ своемЪ образѣ требовать руки и сердца твоей дочери; когда же ты, упорствуя моей прозьбѣ, запретишь мнѣ снять сЪ нее покрывало **, то вЪ скорости узришь меня вЪ образѣ дракона сЪ одиннатцатью братьями, превращенными вЪ плото-

* ШЕЙТАНЪ-КУЛИ значитЪ раба дїавола.

** Снять покрывало есть то же, что бы учинить Турецкую женщину свободною являться безЪ покрывала предЪ мущиною; то есть, взять за мужЪ.

въ плотоядныхъ звѣрей, готоваго раззорить твое государство. Я знаю, что ты пошлешь противъ насъ многочисленное войско съ дротиками, саблями и стрѣлами, напоенными ядомъ и кровїю Ехидны; однако всѣ твои сїи защищенїя будутъ напрасны, потому что мы будемъ покрыты непроницаемою корою, твердѣйшею стальныхъ щитовъ, выработываемыхъ въ кузницахъ Дербенскихъ. Все собранїе отъ сихъ угрозъ вострепетало; мой отецъ положилъ на колѣни свою голову, а исполинъ стоялъ неподвижимъ, дожидаясь отвѣта. Спустя нѣсколько минутъ, родитель мой отвѣчалъ такъ прерывающимся отъ страха голосомъ: Сынъ Шейтанъ Кули! дочь моя уже вручила руку другому, и я не знаю, какимъ способомъ прервать заключенный сей союзъ; дай мнѣ нѣсколько времени собрать расточенныя мои мысли. —— Хорошо, говорилъ исполинъ, трехъ мѣсяцовъ довольно для размышленїя; только опасайся, Сумашрскїй Царь, что нибудь

предпринимать въ худую для меня сторону. Мнѣ все будетъ извѣстно, и хотя бы ты съ своею дочерью скрылся въ средоточїе горы Кавказскїя; то и тамо пребывать я буду съ вами невидимъ — Выговоривши сїе, превратился въ орла, и улетѣлъ изъ сейма въ одну минуту. — Представте себѣ, государь мой, какое смятенїе долженствовало произойти въ сїи часы въ Диванѣ! Всѣ сидѣли безмолвны, и не дерзали своими словами разогнать облакъ печали, помрачавшїй Суматрскаго Султана, моего отца. Одинъ верховный Визирь всталъ съ своего стула, и надѣясь на природное свое краснорѣчїе, говорить началъ: ,,великїй Государь! и вы, почтеннѣйшїе предсѣдатели Дивана! ,,непобѣдимое Суматрское воинство, ободренное безчисленными успѣхами въ побѣжденїи своихъ непрїятелей, не уже ли не въ ,,силахъ устоять противу наступающаго чудовища? Хотя, по ,,словамъ сына Шейтанъ-Кули, ,,непроницаемая кора будетъ по-

,,крывать его сообщниковъ, но ,,острые мечи воиновъ и меткія ,,ихъ стрѣлы яснымъ суть доказательствомъ тому, что руки ихъ ,,никогда не обманываются: а ,,можетъ быть, повелитель Мусульмановъ, угрозы, произнесенныя устами исполина, не что ,,иное, какъ только выдумка, ,,служащая для нашего устрашенія. Двѣсти тысячь пѣхоты, ,,шестьдесятъ тысячь Спаговъ и ,,Янычаровъ, по моему мнѣнію, ,,довольное число противъ двенатцати слабыхъ непріятелей.— ,,Положимъ, что они чрезъ чародѣйство могутъ достигнуть до ,,своего желанія: но великій нашъ ,,пророкъ для чего инаго сотворенъ небомъ, какъ не для защищенія правовѣрныхъ?,,— Все собраніе довольно было его рѣчью, и мой отецъ отъ сихъ словъ какъ бы пробудился отъ сна.— Любезный Визирь, говорилъ онъ, праведенъ твой совѣтъ, и да будетъ сей часъ исполненъ. Онъ въ скорости повелѣлъ собрать въ житницы хлѣбъ, растущій на нивахъ,

укрѣпить стѣны гарнизономъ, быть въ готовности воинамъ, и, что наипаче, установить молебствїе по всему городу.

По прошествїи трехъ мѣсяцовъ, войска выступили въ походъ, и разбили лагерь въ предмѣстїи города. Исполинъ, получа отъ моего родителя отказъ, воскрежеталъ, и грозилъ погибелїю всей Суматрѣ. Онъ устоялъ въ своемъ словѣ, и по наступленїи срока, дышущїй пламенемъ драконъ съ одиннатцатью львами, леопрдами, тиграми и барсами, явился на поляхъ Ахимскихъ *. Сїи чудовища пожирали все, что ни попадалось ихъ глазамъ; бѣдные кресьяне, пастухи и скотъ, не успѣвши уклониться въ городъ, были несчастною жертвою ихъ ярости. Наконецъ появились чудовища въ виду армїи, которая, по знаку своего предводителя, стала въ боевой порядокъ. Всѣ

* АХИМЪ, славный городъ острова Суматры.

возносили молитвы къ небу, прося его о вспоможенїи. Иманы кропили воиновъ водою изъ источника Земземъ *: но все было напрасно. Казалось, что самъ Магометъ споспѣшествовалъ нашей погибели: ибо войско только лишь пустило тьму стрѣлъ въ чародѣевъ, какъ драконъ, распростерши крылья, полетѣлъ на воздухъ, а по немъ одиннатцать звѣрей со всѣхъ сторонъ напали на армїю. Они съ остервенїемъ пожирали храбрѣйшихъ воиновъ; дротики и сабли ломались отъ ударенїя въ ихъ хребты. Наконецъ рукою моего родителя повержены были къ его ногамъ леопардъ и два барса. Народъ, стоящїй на стѣнахъ, восплескалъ побѣду.

* ЗЕМЗЕМЪ есть колодезь въ Меккѣ городѣ, лежащемъ въ счастливой Аравіи. Онъ называется отъ Магометанъ колодцемъ Авраама. Вода въ немъ соленая. Всѣ путешествующїе изъ дальнихъ странъ на поклоненїе мѣсту рожденїя Магометова, должны омыться сею водою, которая, по ихъ сказанїямъ, очищаетъ самыя важныя и тягчайшїя преступленїя.

Вдругъ съ стороны запада поднялась ужасная молнїеносная туча, вихрь засвисталъ со всѣхъ сторонъ, страшные громы заревѣли въ облакахъ, и явившїйся на воздухѣ пламенный клубъ, разсыпавшись, представилъ предъ очи моего родителя, воиновъ и народа престарѣлую женщину въ черномъ, обагренномъ кровїю, платьѣ. Она, ставши между войска и чудовищъ, кои пали предъ нею на колѣни, заскрыпѣла зубами, пылая яростїю; ядовитая пѣна брызгала изъ рта ея, и съ мещущими пламень глазами вѣщала она, подобно грому, такъ: „малодушные враги! ваше безразсудное „вооруженїе противу дѣтей моихъ не долго будетъ ожидать „мщенїя отъ моего справедливаго „грѣва, который я въ скорости „излїю на васъ. Шейтанъ-Куви, „устрашающая своими заклинанїями самый тартаръ, въ состоянїи „наказать дерзающихъ возстать „противъ ея власти.„— Сказавши сїе, засвистала ужасно, и по семъ городъ Суматра со всѣми

окрестностями былъ преображенъ въ страшную пустыню, а мой отецъ съ подданными въ пресмыкающіеся гады. Одна лишь я, по благосердію неба, избѣжала ея мщенія: ибо невидимая рука похитила меня отъ сей звѣрской волшебницы, и принесла въ долину, подобящуюся селенію правовѣрныхъ.

Долго я заблуждала по сей долинѣ, вспоминая прежнее мое состояніе, и сожалѣя о злой участи моего родителя и отечества; напослѣдокъ приближилась къ одной, искуствомъ природы изсѣченной въ горѣ, пещерѣ; въ ней находилась постеля изъ смоковныхъ листьевъ и тростника, предъ которою стояла корзинка съ кокосовыми орѣхами. Увидѣвъ сіе, думала я, что въ семъ мѣстѣ обитаетъ какой нибудь пустынникъ, оставившій свѣтъ, или кто нибудь изъ дикихъ людей, и для того спѣшила я заблаговременно оставить пещеру; но бумажка, привязанная къ суку одного дерева, дала мнѣ знать, что кто нибудь печется о

моей жизни. Слова начертанныя на ней, (какъ я запомню,) были слѣдующія:

Невинность никогда безъ крова не бываетъ,
Пусть въ безопасности здѣсь Гакка обитаетъ.

Трепещущими отъ страха руками взяла я одинъ кокосъ, и расколовши его, ядро съѣла, а сокъ выпила съ такою пріятностію, какую только можетъ вкусить человѣкъ, томимый голодомъ. Насытившись сею умѣренною пищею, предалась я размышленію о потерѣ моего любезнаго родителя. Состояніе Царевны твердилось въ моемъ умѣ, а болѣе всего ужасали меня невѣдомыя мнѣ дикія мѣста, гдѣ, будучи безсильна, могла бы претерпѣть уронъ и совершенную потерю моея жизни отъ алчныхъ звѣрей, обитателей сея лесшныя, въ прочемъ жаждущей пустыни. „Боже мой! разсуждала „я, конечно есть еще на свѣтѣ „такія мѣста, кои хотя малѣй„шую могутъ мнѣ въ моемъ скоро„постижномъ бѣдствіи доставлять отраду! Въ сей пустынѣ,

„правда, ничего болѣе нѣтъ, кро-
„мѣ безмолвія: но нѣкое забвеніе
„покрываетъ отъ очей моихъ завѣ-
„сою всѣ мои несчастія: о естьли
„бы оно на вѣки продолжилось! . . .
„но . . . мои усыпляются чувства
„ . . . и . . . „

Съ сими неоконченными сло-
вами сонъ объялъ меня, и я, по-
вергшись на постель, предалась въ
объятія слабаго спокойствія —
Чтожъ представилось моему уто-
мленному воображенію? . . . Ве-
ликодушный Принцъ, продолжала
Царевна закраснѣвшись, я по при-
нужденію открываю вамъ мои сла-
бости, — подобный тебѣ юноша
подъ тѣнію густаго дерева лежалъ
въ прелестномъ расположеніи сна.
Я съ непостижимою боязнію по-
дошла къ нему; но, увы! только
лишь разсмотрѣла его прелести,
невѣдомая мнѣ любовь вселилась
въ мои чувства. Колеблющіяся мои
мысли твердили мнѣ, чтобъ я
удалилась отъ сего предмета, но
скрытое побужденіе повелѣвало мнѣ
подлѣ его остаться. Съ біеніемъ

сердца сѣла я близъ его, и увидѣла на немъ висящее на златой цѣпочкѣ маленькое изображенїе, кое мнѣ представило существенной список видѣннаго мною молодаго человѣка. По любопытству моему сняла я портретецъ съ осторожностїю, и разсматривая его, прочла сїе: Екберъ - Мулькъ, наслѣдный Принцъ престола Дамасскаго.

Великое небо! прервалъ слушающїй со вниманїемъ Царевичь ея повѣсть, такъ сїя мечта представляла вамъ меня, любезная Принцесса? Ахъ, сколь я счастливъ! Вы меня любили — Да, отвѣчала Царевна, можетъ быть еще и поднесь сїя страсть не изкоренена изъ моего сердца: но умѣрьте ваше восхищенїе, и примите терпѣнїе выслушать повѣствованїе моея жизни, котораго конецъ сопряженъ съ вами — Съ неограниченною охотою, вскричалъ приведенный въ радостный восторгъ Принцъ, и Аталь - Такка продолжала:

Какъ скоро я взяла сей портретъ, вдругъ ужасный левъ сво-

имъ ревомъ разбудилъ меня. Я съ трепетомъ вскочила съ постели, и выбѣжавъ изъ пещеры, упала почти безъ чувствъ. Опамятавшись, увидѣла я подлѣ себя того льва, который, близъ пещеры ископавъ яму, положилъ въ нее нѣчто бѣлое, и въ скорости удалился. Я, не видя болѣе сего страшнаго звѣря, вошла въ пещеру, и нашедъ въ прежнемъ порядкѣ все въ ней приуготовленное, сѣла: но желаніе видѣть спрятанное львомъ принудило меня разрыть яму, въ которой нашла я въ бѣломъ атласѣ завернутую коробочку, а въ ней на бѣломъ же атласѣ написанныя слѣдующія слова: *Кто великодушенъ, тому нѣтъ несчастія; ибо онъ чрезъ свою твердость умѣетъ отражать напасти. Сіе относится къ несчастной Принцессѣ острова Суматры.— Гоненіе, защита, удовольствіе, опасность, бѣдствіе и счастіе предписано ей отъ судебъ: естьли ты, несчастная Аталь-Гак-*

ка, не понимаешь сего, иди къ Сѣверной сторонѣ, тамъ найдешь изъясненїе сихъ строкъ.

Прочитавши сїе, взяла я нѣсколько на дорогу кокосовъ, и призвавъ въ защиту небо, пошла къ предписанной странѣ, любуясь на вашъ портретъ, данный мнѣ во снѣ благодѣтельнымъ духомъ. Прошло шесть дней, какъ я оставила пещеру, но ничего не встрѣчалось со мною; наконецъ подшедъ къ горѣ, увидѣла маленькую тропу, ведущую на ея вершину. Съ великою трудностїю взошла я на гору, узрѣла прекрасное поле, и посреди его построенный храмъ. Онъ былъ воздвигнутъ изъ бѣлаго мрамора. Столпы были во кругъ его ясписовы, кои поддерживали золотую крышку; на ней былъ изображенъ ужасныя величины серебренный шаръ, изчерченный неизвѣстными буквами. Съ трепетомъ взошла я въ его внутренность. На столѣ, изсѣченномъ изъ одного драгоцѣннаго камня, лежала разогнутая книга, въ которой написано было сїе:

Вездѣ несчастія, и нѣтъ нигдѣ отрады.
Печаль, спокойство, страхъ, любовь и съ ней напасть,
Принцесса! въ горестяхъ получишь для награды;
Но послѣ нѣжную средь счастья вкусишь страсть.

По прочтеніи сихъ стиховъ надежда и боязнь вселились въ мое сердце. Не много спустя времени, гора поколебалась, и храмъ, изъ коего я вышла, провалился; изъ сея разсѣлины поднялся густой дымъ, которой покрылъ гору, наконецъ онъ мало по малу изчезъ, и я увидѣла себя въ сей рощѣ. Прошедши ее, усмотрѣла прекрасный замокъ. Чувствуя тайную надежду, взошла я въ его врата, въ коихъ множество духовъ, одѣтыхъ въ платье, которое было тончае Зефира, встрѣтили меня, и ввели въ залу. Въ ней сидѣла женщина на парчевой софѣ, въ розовой золотомъ шитой одеждѣ. Дочь моя, сказала она мнѣ съ веселымъ лицемъ, подойди ко мнѣ, и узнай Сегару волшебницу, принявшую тебя въ свое покровительство. Въ моемъ

замкѣ ты будешь жить спокойно до тѣхъ поръ, пока Дамасской Царевичь, коего портретъ я тебѣ дала во снѣ твоемъ, не придетъ въ сіи мѣста. Онъ тебѣ назначенъ въ супруга, и ты вмѣстѣ съ нимъ претерпишь многія напасти. Сіе отвратить никакимъ не можно способомъ; ибо такъ повелѣла судьба. Свирѣпая волшебница Шейтанъ-Кули будетъ вамъ причинять сіи бѣдствія, но наконецъ отъ руки Принца она претерпитъ достойное наказаніе. Сей Царевичь воспитанъ премудрымъ Текаддесомъ, Кабалистомъ, старающимся о вспоможеніи несчастнымъ Поди, успокойся, дочь моя, здѣсь ты найдешь отраду въ твоемъ несчастіи.

Сія добрая волшебница, продолжала Царевна, хранитъ меня, какъ свою дочь, и, дабы я находила забаву въ невинностяхъ, подарила сей лукъ и стрѣлы. Злосчастный рокъ долженъ паки играть мною съ великою при томъ горестію съ сихъ поръ, какъ я узрѣла тебя въ сихъ мѣстахъ.

Симъ образомъ Суматрская Принцесса окончила свою повѣсть. Прекрасная Аталь-Гакка, говорилъ ей влюбленный Екберъ-Мулькъ, несчастія, кои мнѣ предписываетъ судьба, ни мало меня не устрашаютъ, когда я буду наслаждаться неописанною красотою: но сіе раздираетъ мое сердце, что ты, прекрасная Принцесса, подвергаешся со мною бѣдствіямъ. — Когда онъ окончалъ сіи слова, свойственныя страстно влюбленнымъ; пріятное благовоніе разлилось въ рощѣ, и они узрѣли волшебницу Серагу, идущую къ нимъ въ провожаніи духовъ. — Принцъ Дамасскій, говорила она, тебѣ извѣстна жизнь Аталь-Гакки, съ коею долженъ ты раздѣлить судьбу свою. Предопредѣленіе не повелѣваетъ вамъ здѣсь медлить; и такъ, вотъ тебѣ флейта, въ которую какъ скоро ты начнешь играть, то увидишь предъ собою коня, коего употребляй къ своимъ услугамъ. А тебѣ, любезная Царевна, я дарю сей волшебной прутъ, которымъ махнувъ на правую сторону, избавишся отъ

угрожаемой тебѣ какой нибудь напасти. Прощайте, любезные дѣти, прощайте и побѣждайте коловратность несчастія. — Сказавши сїе, она ихъ обняла съ слезами; Принцесса съ нею вмѣстѣ плакала, но Принцъ, положившійся ня волю судьбы, не оказывалъ наружнаго безпокойства.

Волшебница скрылась, и Екберъ-Мулькъ не медля засвисталъ въ подаренную Серагою ему флейту — Стройной и прекрасной конь явился предъ него, покрытый фїолетовою бархатною попоною. Принцъ, погладивъ его, посадилъ на него Аталь-Гакку, и самъ, сѣвши на передй ее, ударилъ подъ бока своего коня шпорами, который пустился быстрѣе птицы.

Сочинитель не знаетъ, долго ли они ѣхали, но объявитъ только то, что конь, подъѣхавъ къ одному ручью, остановился. Ручей казался не глубокъ, и бѣжалъ по камешкамъ, которые въ прозрачныхъ струяхъ его были видны. Принцъ

Принцъ сколько его ни понуждалъ, но онъ не двигался съ мѣста. На конецъ слѣзъ онъ съ него, и осмотрѣвъ, увидѣлъ подлѣ конской ноги маленькаго старика съ локоть съ предлинною бородою, который тащилъ на плечѣ преужасную свинцовую палицу. Сія первая встрѣча ни мало не поколебала Принца; онъ, схватившись его за долгіе всклокоченные волосы, вывернулъ изъ рукъ его палицу, и столь ее кинулъ крѣпко, что она на воздухѣ переломилась въ мѣлкія части. Старикъ взревѣлъ ужаснымъ голосомъ, и Принцесса, сидѣвшая на конѣ, испугавшись, отвѣтствовала на сіе крикомъ. Екберъ-Мулкъ, поигравши симъ чуднымъ произведеніемъ натуры, выдернулъ ему бороду. — Ты меня побѣдилъ, закричалъ старикъ, но тысячи препятствій, стократъ превосходнѣйшихъ, нежели я, явятся тебѣ въ скорости. Я братъ Шейтанъ-Кули, живущій въ семъ ручьѣ. Пусть я потерялъ свою бороду, но ты, молодой Царевичь, за сіе потеряешь то, что ты почитаешь за

драгоцѣнное. Окончавши сїе, изчезъ, а съ нимъ изчезла и Принцесса. Ручья не стало, но открылась только пространная степь, на которой несчетное множество находилось гадовъ различнаго рода.

Екберъ - Мулькъ пришелъ въ отчаянїе, не видя Принцессы. Онъ проклиналъ сего сквернаго старика, но его жалобы разносились по воздуху. Гады поползли на его коня, который началъ свирѣпѣть. Принцъ оборонялся отъ нихъ руками, но ихъ вмѣсто одного раждались тысячи. Не терпя безпокойства отъ сихъ пресмыкающихся, обнажилъ саблю, и только началъ рубить ею все встрѣчающееся, какъ поднялся стонъ, подобный человѣческому, по всей пустынѣ. Находясь отъ сего въ изумленїи, увидѣлъ ужасныя величины змїя, который, разинувъ пасть, стремился его пожрать. Однимъ замахомъ разрубилъ онъ сїе чудовище, которое взревѣло ужасно. По семъ густая мгла покрыла степь, и по мѣрѣ, какъ она

изчезала, являлся очамъ Принца богатый городъ. Жители его казались изумленными, и были подобны вставшимъ послѣ глубокаго сна. — Избавитель нашъ, раздались повсюду крики, ты намъ возвратилъ жизнь, разрушивши очарованїе! — Екберъ-Мулькъ узналъ, что это было государство Суматрское, несчастное отечество его любовницы, которое злая Шейтанъ-Кули обратила въ степь. Онъ подъѣхалъ ко дворцу, гдѣ престарѣлый Султанъ, отецъ Ашаль-Гакки, встрѣтилъ его съ распростертыми руками — Я тотъ змѣй, говорилъ онъ, коего ты, храбрый незнакомецъ, разсѣкши, освободилъ отъ очарованїя. Я отецъ, но увы! что говорю я? уже сїе лестное имя не существуетъ; такъ, я отецъ несчастныя Принцессы — Милостивый государь, отвѣчалъ Дамаскїй Принцъ, о судьбѣ вашея дочери я знаю гораздо болѣе, нежели вы; она претерпѣла несчастїя; но, о свирѣпый рокъ! продолжалъ онъ плача, она и теперь, можетъ быть, претерпѣваетъ злополучїя; нема-

вѣстность скрыла ее отъ очей моихъ. Потомъ разсказалъ онъ все, случившееся съ нимъ, Суматрскому Султану — Царевичь, говорилъ ему сей государь, дочь моя погибла, и такъ замѣни ты у меня мѣсто ея, будь мнѣ вмѣсто ея сыномъ, будь наслѣдникомъ, и утѣшай своимъ у меня пребыванїемъ плачевные остатки дней моихъ. Естьли Ангелъ смерти прерветъ нить моея жизни, погреби мой пепелъ, и буди по мнѣ преемникомъ моего престола. Нѣтъ, отецъ мой, отвѣтствовалъ Екберъ-Мулькъ, судьба повелѣваетъ мнѣ освободить вашу дщерь и себя самаго отъ жестокостей, кои прїуготовляетъ мнѣ злобственный рокъ. Живи, государь, и питай духъ свой надеждою узрѣть свою прекрасную дочь.

Сколько ни употреблялъ Суматрскїй Царь прошенїй, дабы Принцъ остался при дворѣ его, но онъ ихъ съ покорнымъ извиненїемъ отвергнувъ, и пробывъ у него четыре дни, помощїю флейты по-

лучилъ опять коня, и простившись съ Султаномъ, поѣхалъ въ путь, отправившись въ суднѣ на матерую землю.

Находясь болѣе недѣли въ путешествiи, примѣтилъ онъ въ вечеру вдали прекраснѣйшее на горѣ зданiе. Ночь застигла его въ лѣсу, гдѣ переночевавъ, поѣхалъ къ усмотренному имъ замку. Приближившись къ горѣ, увидѣлъ великолѣпное крыльцо съ перилами, сдѣланное изъ струйчатаго мрамора, которое вело въ прекрасную внутренность зданiя. Приказавъ скрыться своему коню, пошелъ онъ по крыльцу въ замокъ, въ коемъ ни одного не нашелъ человѣка. Разсматривая долго великолѣпiе, уснулъ онъ на златотканной софѣ. Ужасный вихрь разбудилъ его, и онъ, вставши, узрѣлъ, что чрезвычайное стремленiе вѣтра растворило всѣ окны залы, и съ страшнымъ свистомъ явился свирѣпый тигръ, держася когтями за одежду Принцессы, любовницы Екберъ-Мулька. — Кого я вижу, вскри-

чалъ Царевичь? дражайшая Аталь-Гакка! ты паки представляешся моимъ глазамъ. — Проговоривъ сїе бросился на чудовище, кое, получая отъ меча его раны, принимало новыя силы. Сраженїе происходило чрезвычайное. Принцъ сколько ни вонзалъ въ тигра свою саблю, но онъ защищался съ остервенїемъ. Напослѣдокъ, ставъ на заднїя лапы, бросился на Принца, но потерявъ равновѣсїе, упалъ съ ревомъ навзничь. Екберъ-Мулькъ не упустилъ сея минуты. Онъ вонзилъ саблю въ брюхо чудовища, и умертвилъ его.

Постраждешь дерзновенный, слышимы были слова на воздухѣ подобныя грому, и смерть моего сына навлекаетъ тебѣ новыя напасти. Принцъ въ жару сраженїя едва сїе услышалъ, но пришедъ въ себя, не видалъ ни замка, ни Принцессы, ни убитаго имъ Тигра. — И такъ все сїе мечта, закричалъ онъ, и я не увижу дражайшей Аталь-Гакки! О небо, покровительствующее несчастнымъ, возврати

мнѣ мою любовницу! . . . Конечно я видѣлъ сїе во снѣ . . . Но, нѣтъ, запекшаяся кровь на моей саблѣ, и потъ, лїющїйся съ моего лица, ясно доказываютъ, что сїе была истинна. Чудовище убито мною, и я мнилъ, что по убїенїи его прекратятся мои несчастїя, и я увижу опять Принцессу: но должно повиноваться предопредѣленїю.

Сѣдши на своего коня, продолжалъ свой путь по неизмѣримымъ пустынямъ. Суровые плоды, растущїе въ сихъ степяхъ, служили ему пищею. Въ одинъ день, когда заря возвѣщала прохладное утро, узрѣлъ онъ на полмили отъ себя нѣчто блестящее. Съ поспѣшностїю направилъ своего коня къ сему предмету, и сколько къ нему ни приближался, но онъ становился отъ него далѣе. Ночь застала его въ такомъ положенїи, и распростерла свой покровъ на небесной тверди. Принцъ, желая узнать совершеннѣе виденное, влѣзъ на одно дерево, съ коего усмотрѣлъ пре-

ужасной величины изумрудной камень. Не выпуская блеска его изъ своихъ глазъ, пустился на конѣ во весь опоръ. Наконецъ преодолѣлъ онъ свой трудъ, и подъѣхавъ къ камню, увидѣлъ, что оный покрывалъ большое отверстїе земли. Осматривая его, увидѣлъ слѣдующее начертанїе:

Когда ты имѣешъ столько силы, что можешъ приподнятъ меня однимъ пальцемъ, получишъ то, чего искалъ.

Сїя надпись возбудила въ Принцѣ желанїе извѣдать скрытность, каковую обѣщала ему находящаяся подъ камнемъ разсѣлина. Онъ льстился тѣмъ, что найдетъ въ ней свою любовницу; но сколько ни былъ храбръ, однако приподнять однимъ пальцемъ ужасныя величины камень почиталъ онъ за сверхъ-естественное и превосходящее силы человѣка. Наконецъ вспомнилъ онъ слова

своего воспитателя, которой обѣщался ему помогать. —— Ахъ! естьли бы находился здѣсь мудрый Іолъ-Текаддесе, сказалъ онъ, безъ сомнѣнія разрушилъ бы онъ очарованіе камня.—Лишь только онъ сіе выговорилъ, вдругъ почувствовалъ, что станъ его тѣла становился обширнѣе; нѣжныя его руки премѣнились въ крѣпкія и жиловатыя; словомъ, онъ къ величайшему своему удивленію премѣнился въ великана. Радуяся сей перемѣнѣ, коснулся онъ краю камня пальцемъ, который отлетѣлъ прочь саженей на дватцать. Мраморная лѣстница оказалась въ глубиину пропасти: но она была сдѣлана для ходьбы естественнаго роста людямъ; а какъ Принцъ имѣлъ видъ исполина, то и не можно было ему по ней за огромностію тѣла сходить. Сіе его не опечалило; одно имя Іола - Текаддесе сдѣлало его станъ по прежнему. Пустивши коня на поле, обнажилъ онъ для безопасности саблю, и пошелъ по лѣстницѣ въ низъ. Пространная пещера, освѣ-

щенная тысящами лампадъ, встрѣтилась первая его взору. Въ ней не было ничего удивительнаго, кромѣ большой мѣдной плиты съ кольцомъ, лежащей посереди полу, которая чаятельно покрывала другое отверстіе. Съ великимъ трудомъ онъ ее поднялъ, и сшедши по оказавшимся внизъ ступенямъ, увидѣлъ великолѣпную комнату. Софы въ ней были покрыты прекрасною Персидскою парчею, и обшиты золотою бахрамою, по серединѣ стоялъ столикъ изъ Индїйскаго твердаго дерева, на коемъ лежала большая таблица, съ изображенными талисманическими фигурами. Сїи и другїя рѣдкости разсматривая Принцъ, примѣтилъ не много отворенную дверь въ другую комнату. Слѣдуя стремленїю любопытства, молодой Принцъ взошелъ въ нее. Чтожъ представилось его глазамъ? Комната, украшенная неподражаемою живописью, и уставленная по пристойнымъ мѣстамъ статуями изъ цѣльныхъ изумрудовъ, плѣнила его зрѣнїе.

Въ ней стояла великолѣпная кровать съ атласными зелеными занавѣсами, кои не много были подняты на золотыхъ шнурахъ. Предъ нею былъ поставленъ золотой истуканъ, держащій въ рукѣ алмазную стрѣлу, испещренную волшебными словами. Желая удовольствовать свое любопытство, тихо подошелъ онъ къ постелѣ, и приподнялъ занавѣсъ. Какой предметъ представился очамъ его? прекрасная Аталь-Гакка, для коей онъ предался бѣдствіямъ, сія прелестная Принцесса, лежала на постелѣ въ глубокомъ снѣ. Нѣжный румянецъ блисталъ на ея щекахъ, и всѣ прелести свѣта, казалось, странствовали на устахъ ея. — Кого я вижу, вскричалъ восхищенный Принцъ? О небо! не мечта ли ето? Прекрасная роза вертограда вселенныя, тебя ли я нахожу въ сихъ мѣстахъ? — Съ сими словами приближается онъ къ лежащей Принцессѣ, стремится облобызать ея уста, дабы ее разбудить чрезъ сію нѣжность; но сколь устрашился, цѣлуя

охладѣвшій мраморъ — О волшебства, возопилъ Екберъ-Мулькъ! сколь вы язвите мое сердце! Я думалъ, что найду свою любовницу, но вмѣсто ея прельстило меня изображеніе сея красавицы; и такъ пусть погибнетъ очарованіе! — Сказавъ сіе, перебилъ онъ своею саблею всѣ украшенія, и только лишь коснулся до истукана, держащаго стрѣлу, вдругъ онъ изчезъ, и Принцесса бросилась въ руки Принца — Представь себѣ, любезный читатель, какое удивленіе было Дамасскаго Царевича? — Еще не совсѣмъ окончалось привидѣніе, говорилъ Царевичь, и сіи прелести, обворожающія мои чувства, не престаютъ смущать мой духъ — Нѣтъ, сіе не мечта, вскричала Аталь-Гакка, вы видите предъ собою вашу несчастную любовницу, вы разрушили мой сонъ, въ которой я была погружена чрезъ талисманъ. По многимъ восклицаніямъ съ обѣихъ сторонъ, Принцесса начала разсказывать Принцу, какъ съ нимъ она разсталась. Едва она выговорила

нѣсколько словъ, вдругъ ужасный вихрь поколебалъ комнату — Ахъ! мы пропали, вскричала она, злобный Зеруданъ, одинъ изъ сыновей Шейтанъ-Кули, похитившїй меня по смерти своего брата, коего вы убили въ замкѣ во образѣ тигра, конечно узналъ, что вы находитесь въ семъ жилищѣ, гдѣ онъ сокрылъ меня — Не успѣла она сїе окончать, какъ пламенный клубъ, упавши къ ногамъ Принца, разсыпался въ мѣлкїя искры; потомъ сїи искры изчезли, и явился шестиглавый драконъ, который, дыша пламенемъ, кинулся на Екберъ-Мулька.

Царевичь защищалъ себя съ храбростїю, и уже отрубилъ ему четыре головы, какъ чудовище съ ужаснымъ свистомъ вылетѣло изъ комнаты. Избавившись отъ сего, Принцъ подошелъ къ Принцессѣ: но, увы! смертная блѣдность покрыла ея лице, и казалось, что смерть прекратила ея жизнь. Сколько ни старался Принцъ возвратить ей чувства, но все было

тщетно. Надѣяся найти на поверхности земли холодную воду, дабы охладить упадшую въ обморокъ Аталь-Гакку, вышелъ онъ тѣми же лѣстницами, по коимъ вошелъ въ подземельныя комнаты, и нашедъ ручей, почерпнулъ воды въ свою чалму; но возвратившись, не сыскалъ и слѣдовъ, гдѣ было отверстіе. Сокрушаясь о злосчастной своей судьбѣ, сѣлъ онъ на своего коня, и поѣхалъ, не зная самъ куда.

Странствуя долго по необитаемымъ мѣстамъ, увидѣлъ онъ поля, покрытыя богатою жатвою, и на лугахъ, украшенныхъ цвѣтами, пасущіяся стада. Не много спустя времени, подъѣхалъ къ обширному городу, въ которой какъ скоро въѣхалъ, встрѣтилось съ нимъ множество народа, которой, увидѣвъ его, бѣжалъ со всѣхъ сторонъ, окружая его коня, съ великилъ крикомъ. Платье сихъ людей было отличное отъ его одежды. Они всѣ были одѣты въ долгіе бѣлые полотняные кафта-

ны, подпоясанные ремнями, на коихъ спущенныя на шнурахъ висѣли сабли; вмѣсто чалмы носили они на головахъ кожаные калпаки, и всѣ столько же удивлялись одѣянію Принца, сколько онъ ихъ. Екберъ-Мулькъ выходилъ изъ терпѣнія отъ крика черни, и непремѣнно отмстилъ бы ей; естьли бы несенныя четырмя невольниками носилки за бѣлымъ завѣсомъ, которыя окружала толпа всадниковъ, не прервали нелѣпость простаго народа, и чрезъ то не принудили всѣхъ молчать. Носилки приближились къ Принцу, который, узнавъ, что то было шествіе какого нибудь владѣтеля сего города, изъ благопристойности слѣзъ съ коня, и сдѣлалъ поклоненіе, какого требовала учтивость. Онъ за занавѣсами не примѣтилъ никого, и хотѣлъ было искать Каравансарая *, какъ прискакавшій изъ

* КАРАВАНСАРАЙ значитъ домъ, въ которомъ пристаютъ путешественники.

свиты, провожающей носилки, всадникъ, подъѣхавъ къ нему. — Конечно вы иностранецъ, спросилъ Принца? Такъ, отвѣчалъ онъ, но скажите пожалуйте, нѣтъ ли гдѣ здѣсь по близости какого нибудь дома, въ которомъ бы могъ я стать? — Пріѣзжайте, спустя часъ, во дворецъ, сказалъ всадникъ, вы тамо всѣмъ удовольствованы быть можете. Сказавши сіе, поскакалъ прочь.

Принцъ въ назначенный часъ пріѣхалъ во дворецъ; стража, стоявшая у вратъ, его встрѣтила, и часть ея съ глубокимъ почтеніемъ проводила его на крыльцо. Вошедши во внутренность покоевъ, нашелъ въ нихъ повсюду великолѣпіе. Два Евнуха въ короткомъ зеленомъ съ золотомъ платьѣ, у коихъ голени и руки по локоть были обнажены, съ великою учтивостію ввели его въ большую залу, въ которой на возвышенномъ тронѣ сидѣла среди дѣвицъ прекрасная женщина, облеченная въ багряную одежду, и имѣющая на головѣ серебря-

ребряный, украшенный дорогими каменьями, вѣнецъ. Различныя благовонныя куренїя въ золотыхъ жаровняхъ стояли вокругъ ее, и производили прїятнѣйшїй запахъ. Подойдите сюда, сказала сїя женщина съ веселымъ лицемъ Дамасскому Принцу; вы видите теперь предъ собою Самаркандскую * Царицу Шерину, которая благосклонна къ чужестраннымъ. Прошу васъ обьявить мнѣ, что васъ привлекло въ мое владѣнїе? — Я, милостивая государыня, одинъ несчастный путешественникъ, отвѣчалъ Принцъ, скрывая свое состоянїе; отечество мое Дамаскъ, и я одолженъ жизнїю одному купцу, торгующему драгоцѣнными каменьями; играющая мною судьба, не знаю, какимъ случаемъ привела въ ваше государство, столь отдаленное отъ Дамаска. — Понимаю, говорила съ улыбкою Царица; хотя вашъ образъ и не по-

* САМАРКАНДЪ городъ въ большой Бухарїи, что въ вольной Татарїи.

казываетъ, что вы купецъ, но я полагаюсь на ваши слова: естьли вы останетесь на нѣсколько времени при моемъ дворѣ, то не будете раскаеваться въ томъ, что отдались въ мое покровительство. — По сихъ словахъ приказала она играть на разныхъ инструментахъ своимъ невольницамъ, и посадя Принца на софѣ, сѣла подлѣ его сама, и дѣлала ему живѣйшія ласки. Екберъ-Мулькъ, которому не очень нравилось сіе привѣтствіе, дѣлалъ очень дурную личину, что, казалось, будто Царица не примѣчала. Послѣ сего накрыли столъ, и Принцъ, естьли бы не былъ зараженъ прелестями Принцессы Атаръ-Гакки, вкушалъ бы восхитительное удовольствіе. Наступила ночь, и послѣ многихъ увеселеній сказала Шерина Принцу: вамъ потребенъ покой, который вы можете получить въ моемъ домѣ. Признаюсь я въ моей слабости, что, какъ скоро я увидѣла васъ, то почувствовала къ вамъ нѣжную склонность. Счастіе мое увѣнчало бы мою страсть, естьли бы вы со-

гласились раздѣлить со мною мой престолъ. — Выговоривъ сїе, пожала она руку Екберъ-Мулька, который начиналъ приходить въ забвенїе, но ободрившись — Ваше Величество, отвѣтствовалъ онъ, я бы почелъ себя возведеннымъ на вершину моего благополучїя, обожая столь прекрасную Султану: но разсудите, сколь мое состоянїе удалено отъ вашего блеска. — Сїе ничто, прервала она, я не столько прилѣплена къ сему блеску, сколько къ любви, которую питаю къ вамъ въ моемъ сердцѣ; но время можетъ быть вдохнетъ и въ васъ тѣ же нѣжныя чувствованїя. По сихъ словахъ она оказывала ему тысячу ласканїй, и видя Принца нечувствительнымъ, истощила всѣ льстивыя слова. — Вы видите, сказала она, сколь далеко простирается къ вамъ моя любовь, и вы можете только почесться за движущуюся на пружинахъ машину, естьли не ощутите взаимной страсти — Перестаньте, милостивая государыня, говорилъ Принцъ, коего ласки Султаны на-

чинали приводить въ безпокойство, перестаньте издѣваться надо мною; вы объявили, что иностранные имѣютъ пристанище въ вашей державѣ, но ваше теперешнее положенiе опровергаетъ тѣ хорошiя мысли, кои я имѣлъ объ васъ. — Говоря сiи слова, примѣтилъ онъ, что образъ прекрасныя женщины изчезалъ, и претворялся въ древностную старуху. — Знай, убiйца моихъ дѣтей, вскричала она, пламенѣя злобою, что мстящая Шейтанъ - Кули не престанетъ тебя гнать съ твоею любовницею. Счастливъ, что отвергнулъ ты мои предложенiя, чрезъ кои могла бы я восторжествовать надъ тобою. Ты находишся не въ Самаркандѣ, какъ я тебѣ представила, очаровавъ глаза твои, но въ моихъ областяхъ. — Съ сими словами она воскрежетала и изчезла, весь городъ провалился со всѣми своими жителями, и Екберъ - Мулькъ остался въ густомъ лѣсу среди ужаса и удивленiя.

Въ семъ находясь состоянiи, долго онъ ходилъ между древесъ,

воображая несчастіе свое и разлученіе съ прекрасною Принцессою. Не много спустя, нашелъ онъ тропу, ведущую къ хижинѣ, находящейся между сплетшихся вѣтвій. При дверяхъ ея сидѣлъ на дерновой лавкѣ старикъ въ долгомъ платьѣ, и читалъ Алкоранъ Подходя къ нему Принцъ, ощущалъ тайное біеніе сердца и внутреннее удовольствіе, коего не постигалъ. При взорѣ, встрѣтившемся съ очами пустынника, узналъ онъ своего воспитателя. — Отецъ мой! вскричалъ Екберъ-Мулькъ, какой счастливый случай привелъ меня къ тебѣ? Какое предопредѣленіе повелѣло тебѣ вселиться въ сію пустыню? — Сынъ мой, говорилъ Іолъ-Текадессе, обнимая со слезами Принца, не удивляйся, видя меня въ сихъ мѣстахъ: собственная твоя польза привлекла меня къ тебѣ; я, узнавъ, какимъ ты подвергнешся искушеніямъ отъ злобныя Шейтанъ-Кули, избралъ сіи мѣста, дабы встрѣтиться съ тобою, и подать тебѣ совѣты къ преодолѣнію препятствій, кои возставитъ те-

бѣ играющая судьба. Ты достоинъ того, чтобы я защищалъ тебя, ибо многія искушенія не поколебали твоего духа. Ты умертвилъ двухъ сыновей злыя волшебницы, но осталось ихъ еще семеро, съ которыми должно тебѣ сражаться, и избавлять отъ сихъ чудовищъ твою любовницу. Изъ трехъ дорогъ, кои тебѣ окажутся при выходѣ изъ сего лѣса, долженъ ты выбрать середнюю, и по ней доходить до конца своихъ несчастій. Болѣе я не могу тебѣ ничего сказать; ибо предопредѣленіе хотя и открыло предо мною покрывающую его завѣсу, но не позволило открыть тебѣ все то, что случится съ тобою въ пути. Прощай, любезный сынъ, и послѣдуй стопамъ добродѣтели. — Сказавъ сіе, поднялся на воздухъ, и оставилъ Екберъ-Мулька располагать имъ сказаннымъ.

Исполнясь болѣе мужества, молодый Принцъ выѣхалъ изъ лѣса, и увидѣлъ на пространномъ полѣ лежащія, по словамъ Текадесса, три

большїя дороги, при коихъ началѣ поставлена была изъ струйчатаго мрамора Пирамида, на которой были изображены на Персидскомъ языкѣ золотыми буквами сїи стихи:

Различные пути явились предъ тобою,
Во всѣхъ трехъ смерть узрѣть повелѣно судьбою.

Прочетши сїе, Принцъ, и положась на произволъ судьбы, по приказанїю своего воспитателя, выбралъ середнюю дорогу, которая, вїяся излучинами, имѣла по бокамъ у себя глубокїя пропасти. Не видавъ ничего, два дни пробылъ на пути Екберъ-Мулькъ, а на третїй день выѣхалъ на прекрасную долину, исполненную всѣми нѣжностями весны. Она была испещрена различными цвѣтами, обворожающими взоры, которые, испуская изъ себя благовонные соки, оживляли воздухъ. Прохладные ручьи орошали растущїя разнаго рода деревья. Все сїе прельщало Дамасскаго Царевича, и вселяло въ

его сердце удовольствїе: но представшїй глазамъ его предметъ перемѣнилъ его мысли. Подъ тѣнїю густаго пальмоваго дерева былъ раскинутъ богатый, шитый золотомъ, шатеръ; при входѣ его былъ привязанъ на серебреной цѣпи ужасныя величины левъ. Глаза его блистали пламенемъ, и разверстая пасть курилась дымомъ. Сей стражъ охладилъ нѣсколько храбрости Екберъ-Мулька, который, призвавъ въ защиту своего наставника, съ обнаженною саблею напалъ на свирѣпѣющаго льва. Звѣрь разинулъ челюсти, и грозилъ растерзать Принца острыми своими когтями. Принцъ не оторопѣлъ отъ сего, и прокололъ льва во многихъ мѣстахъ. Страшилище лѣсовъ подняло ужасный ревъ, и съ яростїю разорвавъ связывающїя его цѣпи, бросилось на Екберъ-Мулька. Сей, не допуская до себя звѣря, однимъ замахомъ отрубилъ ему голову. Какъ скоро голова отдѣлилась отъ туловища, вдругъ поднялся вихрь, убитаго льва пожрала разверзшаяся земля, а изъ шатра вылетѣло

страшное чудовище, на коего спинѣ сидѣла Аталь-Гакка. Она увидя Принца, простирала къ нему свои руки, и производила жалостный крикъ: но все сїе тщетно разносилось по воздуху. Принцъ бросилъ въ чудовище дротикъ, который, ударяся въ крыло страшилища, переломился въ мѣлкїя части. Екберъ-Мулькъ съ поспѣшностью приготовился пустить три стрѣлы въ чудовище, но оно изчезло, подобно молнїи. — О небо! вскричалъ Дамасскїй Принцъ, все то изчезаетъ, что меня прельщаетъ на одну минуту. Три изверга природы низложены моей рукою, и любезная Аталь-Гакка не могла избавиться отъ варварства волшебницы, но еще многїя препоны остались мнѣ къ полученїю моея любовницы! Ахъ! естьли бы премудрый Текаддесъ присутствовалъ здѣсь непремѣнно позналъ бы я всѣ средства къ преодолѣнїю противоборствующихъ мнѣ препятствїй — Едва сїе онъ выговорилъ, какъ ровнина долины, мало по малу возвышаясь, превратилась въ

каменную гору. Екберъ - Мулькъ, чудяся сей перемѣнѣ, стоялъ не подвиженъ отъ изумленія — Пусти стрѣлу свою, слышенъ былъ голосъ, на вершину горы, и за нею поспѣшай взойти на гору. — Принцъ исполнилъ сїе повелѣнїе. Онъ пустилъ стрѣлу, и, хотя съ великою трудностїю, добрался, хватаяся за утесы, на верьхъ, гдѣ увидѣлъ, что пущенная имъ стрѣла стояла на серединѣ, и въ ту же самую минуту превратилась въ кипарисное дерево, отъ корьня коего выбиваясь многїя источники, и упадая съ горы, соединенїемъ своимъ на другой сторонѣ горы составляли глубокую рѣку.

Екберъ - Мулькъ спустился внизъ горы, и какъ скоро сталъ при ея подошвѣ, то нашелъ велико-лѣпно убранный корабль, который стоялъ на водѣ, будучи прикрѣпленъ желѣзными цѣпями къ камнямъ. Мачты сего корабля были вызолочены, флагъ былъ изъ пурпуроваго атласа, на коемъ изображена была серебреная луна, а ве-

ревки были свиты изъ золота. По любопытству онъ взошелъ на сіе судно, которое тотъ же часъ разорвавши цѣпи, поплыло въ низъ рѣки. Принцъ, разсматривая внутренность корабля, не прежде примѣтилъ, что онъ, разсѣкая струи, несется по водамъ, какъ уже каменная гора скрывалась изъ виду, и одна ея вершина казалась изъ облаковъ. Не постигая причины отшествія корабля, положился онъ на волю судьбы.

Судно долго ѣхало по рѣкѣ; на конецъ остановилось у одного берега, къ коему примыкался регулярной и весьма искусно расположенной садъ.

Естьли читатель желаетъ знать красоту сего сада, то пусть представитъ онъ себѣ сады Гесперидскіе *, или вертограды насаж-

---

* Стихотворцы говорятъ много чудеснаго о садахъ дочерей Геспера, брата Атлантова. Въ нихъ росли золотыя яблоки. Трудно было ихъ достать, потому что сады сіи стерегъ Драконъ, котораго убивши Геркулесъ, похитилъ яблоки.

денные на стѣнахъ древняго Вавилона*. Стѣна, окружающая садъ, была столь высока, что никакъ черезъ нее перелѣзть было не можно, къ томужъ и нигдѣ не было входа. Сїе безпокоило нашего рыцаря. Онъ обошелъ вокругъ сада разъ пять, но все безъ пользы. — Ахъ! естьлибъ въ сихъ мѣстахъ былъ Іолъ - Текадессе, сказалъ Принцъ, безъ сомнѣнїя ни малаго я не получилъ бы препятствїя. — По сихъ словахъ къ великой своей радости увидѣлъ онъ, что часть стѣны развалилась, и открыла ему свободный входъ. Прошедши многїя аллеи, бесѣдки и цвѣтники, вступилъ онъ на конецъ въ одинъ прекрасный гротъ, украшенный разноцвѣтными раковинами. Первый предметъ, представившїйся его глазамъ, была большая золотая ча-

* ВАВИЛОНЪ, знатный въ древности городъ при рѣкѣ Евфратѣ, построенный Семирамидою. Въ немъ были стѣны столь огромной величины и широты, что три и болѣе колесницъ могли умѣститься на нихъ свободно. Всего удивительнѣе были сады, искуствомъ повѣшенные на сихъ стѣнахъ.

ша, покрытая чернымъ покрываломъ. Екберъ-Мулькъ какъ скоро ее открылъ, вдругъ густой дымъ, выходя изъ сея чаши, распространился по всему саду. Сїя мгла продолжалась почти полчаса, и Принцъ стоялъ посреди ужаса; послѣ все изчезло: различныя деревья, отягощенныя плодами обратились въ пепелъ, которой поднявшийся отъ стороны западной вѣтръ, разнося по воздуху, согналъ въ одно мѣсто, и чрезъ сїе сдѣлалъ опять столь ужасную темноту, что, казалось, природа премѣнила свой порядокъ, и день, еще не перешедъ свои границы, сдѣлался ночью. Не много спустя, солнечный блескъ паки разогналъ мракъ, и представилъ очамъ Принца прекрасное зрѣлище.

Поддерживаемый изумрудными столпами возвышался на дворѣ хрустальный замокъ. Отъ того мѣста, гдѣ былъ гротъ, было сдѣлано Яспиcовое крыльцо, которое простиралось до самыхъ дверей воздушнаго замка. Неисчетное мно-

жество свѣтильниковъ освѣщало его внутренность, коихъ блескъ, ударяя въ кристалъ, производилъ игру преломляющихся лучей въ глазахъ Екберъ-Мулька. Весь воздухъ наполнился благовонїемъ. Сїи предметы сколь ни прельщали Царевича, но въ скорости прервалось его восхищенїе. Страшный исполинъ, при вступленїи Принца на первую ступень крыльца, появился съ великимъ дубомъ, которымъ онъ играя, какъ малою палочкою, очищалъ съ него сучья, и приготовлялся защищать входъ въ замокъ. Екберъ Мулькъ, желая короче узнать сїе, въ одну минуту построившееся, зданїе, вступилъ въ сраженїе съ исполиномъ. Великанъ, скрыпя зубами, подымалъ свою ужасную палицу, и устрашалъ Принца раздробить ею его въ дребезги. Молодой Витязь презиралъ его угрозы, и весьма проворно отражалъ своею саблею наносимые ему удары. Напослѣдокъ примѣтя, что исполинъ не старался защищать себя, но только наводилъ страхъ своимъ оружїемъ, бросил-

ся къ нему съ своею саблею, и унаровилъ попасть ею въ самую грудь. Чудовище взревѣло и пало мертвое предъ ногами Принца, которой, будучи весь окровавленъ отъ брызгнувшей во всѣ стороны изъ пробитой раны крови, пошелъ безпрепятственно въ замокъ. Вошедши въ него, увидѣлъ посреди большой залы стоящую серебреную гробницу, надъ коею утвержденъ былъ изъ шелковой матерïи изрисованной волшебными словами навѣсъ. Когда онъ осматривалъ сïи печальные предметы, растворилась съ скрыпомъ одна дверь, изъ которыя въ глубокомъ траурѣ вышелъ молодой человѣкъ. Платье на немъ было черное, шитое по покрою Нубïйцовъ, чрезъ плеча онъ былъ опоясанъ крестъ на крестъ золотымъ съ нашитыми дорогими каменьями поясомъ, чалма его была изъ прекраснаго розоваго бархата, оберченная лучшею Индïйскою кисеею съ брилïантовымъ перомъ. Весь сей уборъ превосходила изъ золотаго метала булава съ насыпанными бли-

стающими камнями, которую онъ держалъ въ рукѣ. Сей человѣкъ, лакъ бы не примѣчая Принца, сѣлъ на парчевую софу, и находился погруженнымъ въ унынїе. Послѣ его выступили изъ тѣхъ же дверей два Имана *, которые вели подъ руки въ бѣлое платье одѣтую женщину, имѣвшую закрытое лице покрываломъ. Они подвели сїю женщину къ сидѣвшему на софѣ молодому человѣку, которой началъ говорить такимъ образомъ:

,,Природа, производя смертныхъ, хотя и даровала мнѣ лице и сложенїе всего моего тѣла, сходствующее съ тѣмъ, что между человѣками почитается красотою, но со всѣмъ тѣмъ не влїяла въ мое сердце тѣхъ чувствованїй, чрезъ которыя трое изъ моихъ любезныхъ братьевъ сошли въ жилище тѣней. Они, не взирая на чудное расположенїе своего тѣла, наводя-

* ИМАНЪ, Магометанскїй попъ.

наводящее ужасъ человѣкамъ, прельстились твоими заразами, и чрезъ сїе прельщенїе за безразсудное стремленїе своея страсти разлучились со свѣтомъ отъ руки скитающагося Царевича. Пролїянная ихъ кровь требуетъ мщенїя; и такъ ты, несчастная, ты, говорю я, чрезъ которую моя родительница потеряла половину дѣтей, должна умереть отъ моея руки. Сказавши сїе незнакомецъ, поднялъ свою булаву. Закрытая покрываломъ преступница произнесла жалостный стонъ. —— Какой ударъ долженствовалъ поразить при семъ стенанїи Екберъ-Мулька! Онъ узналъ въ сей женщинѣ свою любовницу. Преслѣдуй въ тартаръ, вскричалъ онъ, бросясь между незнакомцемъ и несчастною Принцессою, преслѣдуй ея невинности, и получи достойное воздаянїе своей лютости. Съ сими словами въ одну минуту разрубилъ онъ звѣрскаго сына Шейтанъ-Кули, и лишь только выхватилъ обагренную свою саблю изъ его чрева, все представляв-

шееся его глазамъ обратилось въ хаосъ. Вѣтры поколебали воздушное зданїе, блеснула съ ужаснымъ громомъ молнїя, и замокъ разсыпался въ мѣлкїя части съ трескомъ. Екберъ - Мулькъ въ семъ смятенїи думалъ, что падая съ воздуха, потеряетъ жизнь; но къ величайшему своему удивленїю узналъ, что все сїе изчезло подобно мечтѣ. Онъ остался на прежнемъ своемъ суднѣ, которое ѣхало съ стремленїемъ по рѣкѣ.

Столь удивительныя превращенїя переводили Принца изъ мысли въ мысль, и онъ, воображая свои приключенїя, находилъ отовсюду препоны къ возвращенїю прекрасной Принцессы.

Сочинитель признается, что онъ, пиша сїю повѣсть, не зналъ самъ, подъ коликими Екберъ - Мульковъ корабль находился градусами сѣверныя или южныя широты, и не заглядывая въ Астрономическїя примѣчанїя, оставилъ сїе исчисленїе искуснымъ въ море-

плаванiи. Какъ бы то ни было, до сего нѣтъ ни малой нужды.

Дамасскiй Принцъ стоялъ на палубѣ, размышляя о своихъ несчастiяхъ, а болѣе о страданiяхъ своей любовницы, какъ на поверхности водъ показался ему возстающiй туманъ, которой, подымаяся мало по малу на воздухъ, получалъ голову, руки и ноги, словомъ, сей туманъ превратился въ совершеннаго исполина, и приближался къ судну. Екберъ-Мулькъ, ожидая сего, составившагося изъ водныхъ паровъ, гостя съ нетерпѣливостiю, приготовлялся, чтобъ его поласковѣе принять: но какъ сражаться на водѣ казалось ему съ непривычки удивительнымъ; то, желая подарить сему новому сопернику нѣсколько ударовъ своея сабли на сухомъ пути, въ надеждѣ выплыть на берегъ, бросился въ воду. Онъ, боряся съ волнами, махалъ въ одной рукѣ находящеюся саблею на всѣ стороны, но къ величайшему удивленiю ко-

рабль и воздушный исполинЪ скрылись.

Сей храбрый герой, испытавши на поверхности земли, внутри ея и на воздухѣ особенныя приключенія, какЪ то изЪ прошедшаго читатель видѣлЪ, долженЪ былЪ поискать своего счастія и вЪ жидкой стихіи, то есть, вЪ водѣ; или, яснѣе сказать, плеснувшаяся на него волна повлекла его сЪ собою вЪ глубину рѣки.— АхЪ! конечно онЪ попадется вЪ руки злой волшебницы, говоритЪ читатель. Но сочинитель проситЪ его оставить сіи предразсужденія, и осмотрѣть обстоятельнѣе, что и рѣчныя струи явили взорамЪ ЕкберЪ - Мулька.

Вмѣсто того, чтобЪ потонуть вЪ сей стихіи, молодой ПринцЪ вплылЪ, не омочась ни мало, вЪ прекрасные покои. . . Да вЪ какіе же? . . . Стѣны сего зданія были составлены изЪ самой тончайшей водной матеріи, по-

толокъ былъ убранъ раковинами различныхъ цвѣтовъ, а полъ вмѣсто златотканныхъ ковровъ усланъ былъ кораллами. Въ углу сея комнаты стоялъ небольшой столикъ изъ алоеваго дерева, покрытый блестящею чешуею, на немъ лежалъ барабанчикъ окованный золотыми листами съ палочкою изъ Индѣйскаго дерева. Дамасскїй Принцъ, побуждаемый неизвѣстнымъ ему любопытствомъ, какъ скоро ударилъ въ него палочкою, предсталъ предъ него духъ въ порпуровомъ платьѣ; волосы сего духа были бѣлѣе снѣга, и вились локонами по плечамъ, на головѣ былъ у него изъ морскихъ тростей вѣнокъ, а въ правой рукѣ золотой прутикъ. Екберъ - Мулькъ, видя явившагося предъ собою духа, не зналъ, что начать; но онъ прервалъ его смущенїе, говоря на чистомъ Арабскомъ языкѣ слѣдующїе стихи:

Кто добродѣтель чтитъ,
Того, какъ твердая гора, стоитъ блаженство,
И всюду благоденство
Хранящїй правду зритъ.
Хоть стрѣлы на него коварство изощряетъ,
Хотя стремится сѣть сплетать,
Но истинна его десницу подкрѣпляетъ,
Никто противъ его не можетъ стать.
Сїе свершается, Дамасскїй Принцъ! съ тобою.
Премудрый Текаддесъ къ безсмертному покою
Тебя чрезъ тернїе съ Принцессою ведетъ,
И послѣ бѣдствъ твое спокойство процвѣтетъ;
Четыре изверга тобою пораженны,
Но ихъ большая часть возстанетъ на тебя,
Сїи чертоги въ честь Принцессы сооруженны
Дѣтьми волшебницы, изъ нихъ одинъ, любя
Сїю красавицу, въ мѣстахъ сихъ сохраняетъ.
Черезъ меня тебѣ Текаддесе вѣщаетъ,
Дабы, любовницу желая ты узрѣть,
Готовъ былъ побѣждать, или здѣсь умереть.

Окончавъ сїе духъ, изчезъ. По немъ множество различныхъ чудовищъ, покрытыхъ твердѣйшею корою, окружило Екберъ-Мулька. Онѣ всѣ зїяли пламенемъ, и своимъ ужаснымъ ревомъ колебали основанїе водныхъ компатъ. Принцъ защищался отъ нихъ своею саб-

лею, но все было тщетно: за тысячїю раждались многїя тысячи. Все искуство и храбрость не могли подкрѣпить Царевича, и казалось, что небо, вездѣ ему благопрїятствующее, на сей часъ его оставило. Уже начиналъ онъ ощущать пламень, щитъ его началъ плѣть, и онъ находился окружаемъ опасностїю, какъ вдругъ молнїя съ громовымъ трескомъ освѣтила комнаты, сдѣлался ужасный шумъ, и чудовища изчезли. На мѣсто того сїи угрожающїя бѣдствїями мѣста перемѣнились въ блистающую отовсюду золотомъ и драгоцѣнными каменьями залу. На великолѣпной софѣ подъ позолоченымъ навѣсомъ сидѣла прекрасная Аталь-Гакка; на ея колѣняхъ лежалъ одинъ изъ сыновей Шейтанъ-Кули, которой былъ ростомъ не болѣе, какъ въ три фута, голову имѣлъ столь огромную, что не можно было отличить ее отъ туловища. Екберъ-Мулькъ, будучи отъ радости внѣ себя, видя свою любовницу, спѣшилъ убить своего непрїятеля,

коего онъ почиталъ слабымъ ; но онъ ошибся въ своемъ мнѣнїи. Ему надлежало сражаться гораздо съ силнѣйшимъ , нежели первые. Ибо сїе малорослое страшилище какъ скоро почувствовало на себѣ ударъ сабли , засвистало ужасно , и превратившись въ страшнаго змѣя , напало на Екберъ - Мулька. Сей защищалъ себя съ храбростїю , и мало по малу сынъ волшебницы уступать началъ. Кровь лилась со всѣхъ сторонъ ручьями, и Принцъ, смотря на Аталь - Гакку , которая лежала на софѣ въ обморокѣ , получалъ новыя силы. Напослѣдокъ страшилище ослабѣло , и упало мертвое предъ Екберъ - Мулькомъ.

Сынъ Субгановъ считалъ себя уже на вершинѣ счастїя: но предписанїе судебъ еще сокрывало подъ своею завѣсою множество препятствїй , угрожающихъ ему бѣдствїями. Онъ въ восхищенїи бросился предъ Принцессою , обнималъ со слезами ея колѣни. . . . Но чтожъ? . . . Въ семъ востор-

гѣ хваталъ одну изчезающую тѣнь водныхъ комнатъ со всѣми ихъ пышностями, да и самой рѣки не было никакихъ слѣдовъ; все было мечта. Вмѣсто того, чтобъ видѣть ему рѣчныя волны, зрѣлъ онъ одну пустыню, и былъ посреди густаго лѣса, сквозь которой за часто-сплетенными вѣтвїями древесъ не проницалъ лучь солнца.

Здѣсь пусть удивляется одинъ читатель, а Екберъ-Мулькъ ни мало; потому что онъ привыкъ къ столь скорымъ превращенїямъ.

По всему лѣсу господствовала тишина. Томное журчанїе ручьевъ и шумъ деревъ приводилъ въ забвенїе Принца, который по совершенїи толикихъ трудовъ подъ тѣнїю одного дерева предался въ объятїя Морфея *. Но кто къ чему прилѣпленъ на яву,

* МОРФЕЙ у стихотворцевъ почитался служителемъ сна и богомъ привидѣнїй.

шому мечшается все шо и во снѣ. Сія истинна доказывается ЕкберЪ-МулькомЪ. Раздѣляющая и совокупляющая различныя понятія его душа, носясь на крылахЪ воображенія, предсшавила ему слѣдующее сновидѣніе: видѣлось ему, будшо онЪ находился подлѣ одной пещеры, украшенной всѣми прелесшями нашуры. Пріяшное безмолвіе вливало нѣкоторое шрепешаніе вЪ его сердце. ОнЪ чувсшвовалЪ нѣкое удовольсшвіе, сокрышое ошЪ него самаго. СвященныЙ ужасЪ распросшранялся вЪ его жилахЪ. ВЪ семЪ забвеніи увидѣлЪ онЪ изЪ пещеры исходящаго сшарика величесшвеннаго вида. Сѣдая его борода доказывала глубокую древносшь. Его лице казалось блисшающимЪ. На головѣ была чалма изЪ зеленаго баркаша *, и по сей-шо чалмѣ ЕкберЪ-МулькЪ узналЪ Магомеша — О пророкЪ! возопилЪ онЪ, почшо удосшоива-

* ЧАЛМУ ИЗЪ ЗЕЛЕНАГО БАРХАТА никому не дозволяешся носишь, кромѣ родсшвенниковЪ Магомеша.

ешь смертнаго взирать на твое лице?—— Дерзай, вѣщалъ ему Магометъ, встань и иди со мною. Екберъ - Мулькъ, будучи упоенъ сладостїю сего явленїя, спѣшилъ по слѣдамъ своего пророка, который, введши его во внутренность пещеры, открылъ завѣсу.— Смотри, говорилъ онъ ему, и познавай, какъ наказываются преступники —— Сынъ Субгановъ видѣлъ сквозь прозрачный кристаллъ пламенные вихри, пожирающїе остатки безчисленныхъ тѣлъ, которыя при своемъ истлѣнїи возобновлялись паки. Звукъ цѣпей, стенанїя и крики пронзали его слухъ. Между мучащимися примѣтилъ онъ пять сыновей злобныя Шейтанъ - Кули. Они, дыша яростїю, терзали другъ друга, и при семъ страшномъ мученїи проклинали весь свѣтъ и съ нимъ свою мать, которая произвела сихъ чудовищъ. Екберъ - Мулькъ, взирая на сїе плачевное позорище, содрогался отъ ужаса и жалости. Завѣса опустилась. Представилося предъ глазами Да-

масскаго Принца новое зрѣлище.— Воззри, вѣщалъ Магометъ, и познай часть опредѣленія судебъ.— Пространное поле, облеченное въ ризу цвѣтовъ, обворожающихъ взоры, явилось предъ его очами. На берегу источника, орошающаго поле сребристыми струями, сидѣла Аталь - Гакка. Она смотрѣла въ ручей, изъ котораго выходилъ прежде являвшійся малорослый старикъ съ предолгою сѣдою бородою, таща на плечѣ ужасной величины свинцовую палицу. Принцесса, увидѣвъ его, затрепетала, и произнесла жалостный крикъ. Екберъ - Мулькъ на сіе отвѣтствовалъ своимъ, и проснулся. . . Но что? . . . О сила волшебства! Все то, что видѣлъ онъ о своей любовницѣ во снѣ, открылось ему на яву.

Старикъ, выползши изъ воды, подымалъ свою палицу. Екберъ - Мулькъ до сего не допустилъ его, отрубивъ ему руку, которая опять приростла и сдѣлалась по прежнему. — Дерзкой юноша,

вскричалъ старикъ! ты за нѣсколько предъ симъ времени выщипалъ мою бороду, въ которой сохраняется все мое могущество, но нынѣ я восторжествую надъ тобою. — При сихъ словахъ съ яростію бросился на Принца, которой наносилъ ему удары саблею. Сія смѣшная фигура извивалась подобно змѣѣ, и унаровивъ, вышибла своею дубиною саблю изъ рукъ Субганова сына. Сей, видя себя въ бѣдствіи. — О великій Текаддесъ, вскричалъ онъ, вспомоществуй мнѣ своею силою. — Сказавъ сіе, вцѣпился старику въ бороду. Чудовище падало, подымалось, вертѣлось изъ стороны въ сторону, и просило наконецъ помилованія у Принца, но онъ сіе презиралъ, и вырвавъ вдругъ бороду, удавилъ старика одною рукою.

Съ радостнымъ лицемъ подошелъ онъ къ Принцессѣ, держа свою добычу въ рукѣ. Аталь-Гакка, увидя его, съ великимъ крикомъ бросилась въ воду. — Что это!

размышлялЪ смущенный ПринцЪ, моя любовница устрашилась моего образа? Или сдѣлалась перемѣна вЪ моемЪ лицѣ, и я, побѣждая чудовищЪ, не превращенЪ ли самЪ вЪ какое нибудь страшилище? Но, нѣтЪ, я не постигаю сея причины. Сокровенность запрещаетЪ мнѣ размышлять о семЪ.

Помощїю подаренной ему Серагою флейты, призвалЪ онЪ своего коня, и поѣхалЪ, куда велЪ его случай. Путешествуя по неизмѣримымЪ степямЪ, достигЪ онЪ вЪ одно государство. ПодЪѣзжая кЪ городу, увидѣлЪ онЪ около стѣнЪ извившагося огромной величины змѣя. Толщина сего чудовища была вЪ двацать футовЪ, а длина неизмѣрима; поелику онЪ окружалЪ собою весь городЪ. ОнЪ былЪ покрытЪ чешуйчатою кожею, твердѣйшею булата, которая отЪ ударенїя вЪ нее солнечныхЪ лучей блистала на подобїе звѣздЪ. ЕкберЪ-МулькЪ желалЪ узнать внутренность го-

рода, но боясь сего ужаснаго чудовища, потребовалъ помощи отъ своего наставника. Конь его, заржавъ чрезвычайно, съ великимъ стремленïемъ перескочилъ змѣя и стѣну, и очутился въ городѣ. Принцъ проѣхалъ всѣ улицы, но никого не нашелъ, кромѣ безчисленнаго множества насѣкомыхъ, какъ то шершней, мухъ, комаровъ и проч. кои столбомъ вились надъ его головою. Онъ подъѣхалъ къ одному огромному зданïю, которое по прекрасной его архитектурѣ почелъ за дворецъ. Слѣзши съ своего коня, вошелъ онъ въ него, и ни что иное съ нимъ не встрѣчалось, какъ только одни вышепомянутыя насѣкомыя. Прошедъ многïя комнаты, услышалъ онъ въ одной голосъ нѣчто читающаго человѣка. Поощряемъ любопытствомъ, вступилъ въ сïю комнату. Въ ней увидѣлъ онъ прекрасную дѣвушку, которая, сидя на софѣ, читала нѣкоторыя статьи изъ Алкорана. Предъ нею лежали различныя талисманическïя изображенïя. Ахъ, государь мой,

сказала сїя дѣвушка, увидя его, вамъ должно имѣть нѣчто превосходнѣйшее изъ смертныхъ, когда вы могли безъ препятствїя взойти въ сей плачевной городъ. Змѣй непремѣнно долженъ бы васъ пожрать, естли бы вы не были какой нибудь духъ. — Я такой же, какъ и вы, отвѣтствовалъ Принцъ, но мнѣ ни мало не вредилъ ужасающїй васъ змѣй. Я странствующїй Царевичь, гонимый злобствующимъ рокомъ; но, пожалуйте выведите меня изъ смущенїя, и обьясните, естьли можете, для чего нѣтъ жителей въ столь обширномъ городѣ, вмѣсто ихъ наполненномъ одними несѣкомыми. — Милостивый государь, говорила дѣвушка, иной бы почелъ благополучнымъ себя, видя соучастника въ своемъ бѣдствїи, но мое сердечное прискорбїе не дозволяетъ мнѣ вкушать удовольствїе, зная, что вы чувствительны къ моимъ злополучїямъ. Знайте, продолжала она, что одинъ злой волшебникъ, изъ сыновей Шейтанъ - Кули, превратилъ

моихъ

моихъ родителей и всѣхъ граждан въ встрѣчавшїяся вамъ несѣкомыя. Сїя причина содержится въ слѣдующемъ: мой отецъ, нѣкогда забавляясь охотою съ своими придворными, по несчастїю застрѣлилъ оленя, любимаго сыну волшебницы Шейтанъ-Кули. Сей, пылая за сїе мщенїемъ, восхотѣлъ по своему неистовству поразить несчастїями весь городъ моего родителя, и желая насытить сими казнями свою ярость, превратилъ всѣхъ въ несѣкомыя, а самъ во образѣ страшнаго змѣя простерлся около стѣнъ неблагополучнаго сего города. Чтожъ касается до меня, то я избавилась отъ сего бѣдствїя помощїю сихъ талисмановъ, сдѣланныхъ при моемъ рожденїи нѣкоторою благодѣтельствующею волшебницею. Вотъ, незнакомецъ, причина столь слезнаго превращенїя.— Ахъ, милостивая государыня, говорилъ Екберъ-Мулькъ, моя рука сослала въ страны тартара пятерыхъ дѣтей злобныя Шейтанъ-Кули, и судьба теперь открываетъ мнѣ слу-

чай присовокупить къ нимъ сего шестаго ихъ брата. Естьли небо будетъ благопріятно мнѣ въ побѣжденіи сего чудовища, то вы узнаете меня и мои несчастія.— Выговоривъ сіе, и не дожидаясь отвѣтовъ красавицы, вышелъ онъ съ поспѣшностію изъ дворца, и проходя многія улицы, дошелъ до городскихъ воротъ, гдѣ змѣй совершалъ свой кругъ около города, и гдѣ лежала его голова. Призвавши въ покровительство небо и премудраго Текаддеса, вонзилъ саблю въ челюсти чудовища, которое, ощутивъ язву, заревѣло столь ужасно, что, казалось, потряслись всѣ окрестности, и стенала подъ тяжестію его земля. Принцъ, не давъ ему свободы исправиться, нанесъ другой ударъ, при совершеніи коего змѣй превратился въ огненную Саламандру и устрашалъ пожрать въ пламени Екберъ-Мулька. Сей, презирая столь слабаго непріятеля, помощію своея сабли, отрубилъ ему хвостъ, которой чудовище потерявъ, утратило съ нимъ свой пламень, и устремилось

въ бѣгство. Дамасскій Принцъ последовалъ за нимъ. Желаніе умертвить своего врага придавало ему крылья. Онъ не бѣжалъ, а летѣлъ, и догнавъ чудовище, однимъ замахомъ умертвилъ его. Послѣ сего трупъ убитаго страшилища премѣнился въ паръ, и разнесся по воздуху. Жители города получили прежній свой образъ, повсюду слышимы были радостныя восклицанія, и избавленный государь съ своими подданными вышелъ въ срѣтеніе Екберъ-Мульку за городскія вороты.

Сынъ Субгановъ, покрытый потомъ и пылію, вошелъ торжественно въ городъ, будучи провождаемъ рокоплесканіями всего народа. Султанъ сего государства осыпалъ его тысячами похвалъ и благодарностей, и повергалъ предъ нимъ свою корону съ сердцемъ своей дочери; но Принцъ, принося извиненіе, отъ сего отговорился, и давъ знать о себѣ Султану, возвратился въ странствованіе.

Отѣхавъ на нѣсколько миль отъ сего избавленнаго имъ отъ очарованія государства, приближился къ одной горѣ, коея высота скрывалась подъ облаками, Слѣзши съ своего коня, пошелъ онъ на гору, и взошедъ съ великимъ трудомъ на вершину, увидѣлъ на плоскости ея кипарисную рощу. Плѣняясь нѣжнымъ повѣваніемъ Зефировъ, вошелъ въ ея средину. Посреди покрытой зеленью лужайки на мраморномъ подножіи былъ воздвигнутъ истуканъ Магомета, который однимъ перстомъ указывалъ на небесную твердь, а въ другой рукѣ держалъ золотой жезлъ. Екберъ-Мулкъ съ благоговѣніемъ повергся предъ истуканомъ своего пророка, и приносилъ молитву. Вдругъ блеснула молнія, громъ разсыпалъ трескъ по Атмосферѣ, и истуканъ, будучи обоятъ пламенемъ, поколебался и произнесъ сіи слова:

Таинственный сей жезлЪ тебѣ я, ПринцЪ, вручаю,
И кЪ сѣверной странѣ итти повелѣваю,
Гдѣ возвышенный холмЪ обрящешь средь луговЪ,
Ударь вЪ него жезломЪ и побѣждай враговЪ.

По изреченіи сего повелѣнія, явился близЪ истукана прекрасный юноша, которой, вручивши жезлЪ ЕкберЪ-Мульку, поднялся на воздухЪ, и изчезЪ. ПринцЪ не медля сошелЪ сЪ горы сЪ большею легкостію, нежели какЪ входилЪ на нее, и сѣдши на своего коня, которой ѣлЪ траву на полѣ, поѣхалЪ кЪ сторонѣ сѣверной. Находясь вЪ пути семь дней, вЪѣхалЪ онЪ на прекрасный лугЪ. Безчисленное множество цвѣтовЪ, испещренныхЪ свѣжею зеленью муравы, являло вЪ очахЪ Принца одѣжду Ирисы *, когда она сходитЪ на облака возвѣщать смертнымЪ

* ИРИСА значитЪ тожЪ, что и радуга, которую почитали язычники провозвѣстницею богини Юноны.

опредѣленія боговъ. Любовникъ весны, лобзая съ нѣжностію Флору**, изливалъ ароматическія соки на воздухъ. Посреди сего луга возвышался холмъ, который весна потщилась украсить всѣми своими прелестями.

Екберъ-Мулкъ, призвавъ на помощь пророка, ударилъ въ сей холмъ своимъ жезломъ, которой въ тотъ же часъ поколебавшись, отверзъ свои нѣдра, и явилъ глазамъ Принца подземный входъ. Принцъ какъ скоро вошелъ въ отверстіе, вдругъ оно опять затворилось и оставило его въ темнотѣ. Долго находясь въ семъ положеніи, Екберъ-Мулкъ примѣтилъ въ дали блескъ. Удвоивши свои шаги, пошелъ онъ на примѣченное имъ сіяніе, которое при самомъ своемъ явленіи изче-

* Любовникъ весны есть Зефиръ, западный вѣтръ.

** Флора почиталась Богинею цвѣтовъ.

зало. Наконецъ всѣ окрестности освѣтились, и ничего болѣе въ себѣ не имѣли, кромѣ ужаса. Висящїе по сторонамъ камни грозили своимъ паденїемъ Принцу, а пламень, отъ коего происходило сїянїе, пожирая умирающїя на стебляхъ произрастѣнїя, угрожалъ сожещи его. Субгановъ сынъ находился отовсюду въ опасности — О Текаддесъ, вскричалъ онъ, помоги мнѣ! — При сихъ словахъ поднялся вѣтръ, и своимъ полетомъ обратилъ назадъ стремящїйся на Принца огонь; потомъ пламень погасъ, и Екберъ-Мулькъ узрѣлъ сидящаго на изсохшей травѣ девятилокотнаго исполина, вооруженнаго ужасною саблею и стальною съ шипами палицею. Подлѣ его были двое исполиновъ въ шесть лактей, которые играли, перекидывая свои палицы. Девятилокотный исполинъ держалъ въ своихъ объятїяхъ Суматрскую Принцессу лишенную чувствъ и имѣющую лице, покрытое смертною блѣдностїю. Сїе зрѣлище поразило

Екберъ-Мулька. Онъ стоялъ неподвиженъ, устремя свои взоры на сіи страшные предметы, и ожидалъ при очахъ своея любовницы смерти. Напослѣдокъ одинъ изъ исполиновъ прервалъ его смущеніе своимъ крикомъ, который подобенъ былъ стремленію многихъ водъ, упадающихъ съ каменныхъ утесовъ — О дерзкой врагъ, вскричалъ исполинъ, ты и въ семъ убѣжищѣ осмѣлился прервать тишину дѣтей Шейтанъ-Кули! Пострадешь, слабый непріятель! Сіи слова повторили другіе исполины, и не сходя съ своихъ мѣстъ, смотрѣли съ спокойнымъ духомъ на своего сотоварища. Екберъ-Мулкъ обнажилъ саблю, и приготовился защищать себя, но исполинъ, не взирая на сіе, поднялъ свою палицу. По многомъ съ обѣихъ сторонъ сопротивленіи счастіе послужило Принцу, и вручило ему побѣду. На мѣсто убитаго имъ исполина всталъ другой, которой казался стократъ страшнѣе своего брата. Сей, не произнеся ни какихъ у-

грозъ бросился на Екберъ-Мулька. Принцъ отражалъ саблею удары наносимые ему палицею исполина; на последокъ повергъ и сего непрїятеля мертвымъ къ своимъ ногамъ, что видя девятилокотный исполинъ, сложилъ съ своихъ коленей Принцессу, и заступилъ место умерщвленныхъ товарищей. — Умри, дерзновенный, вещалъ онъ Принцу, умри и познай, что последнїй сынъ Шейтанъ-Кули отмститъ тебе смерть несчастныхъ своихъ братьевъ. — Съ сими словами ударилъ своею палицею по сабле Екберъ-Мулька, которая вместе съ палицею разрушилась въ мелкїя части. Принцъ въ скорости бросилъ дротикъ въ исполина, которой онъ проглотилъ, какъ сладкую пилюлю. После сего у Екберъ-Мулька не осталось более ничего изъ оружїя, кроме золотаго жезла, даннаго ему на горе прекраснымъ мальчикомъ подле Магометова истукана. Исполинъ какъ скоро взглянулъ на сей жезлъ, вострепеталъ, и произнося

стенанія, повергся предъ ногами Принца — О сынъ Субгановъ, кричалъ онъ! побѣда прешла на твою сторону чрезъ сей священный жезлъ, коему повинуются всѣ духи и волшебники Твоя любовница теперь свободна, и находится въ твоихъ рукахъ Повелѣвай мною, я всегда пребуду въ твоихъ услугахъ. — Я отъ тебя ничего не требую, говорилъ Екберъ - Мулькъ, кромѣ того, дабы ты самъ съ своею нечестивою матерью былъ наказанъ за всѣ бѣдствія, нанесенныя Аталь-Гаккѣ и мнѣ — Ахъ, Принцъ! отвѣтствовалъ исполинъ, сколь твое повелѣніе поражаетъ мое сердце. Самый естественный законъ запрещаетъ мнѣ исполнить твое приказаніе. Я клянусь тебѣ всемъ, что есть свято, что послушенъ тебѣ буду. - - - Едва окончалъ онъ сіи слова, какъ ужасная мгла распростерлась по всѣмъ окрестностямъ, загремѣли перуны, и по блескѣ молніи явилась на воздухѣ колесница, запряженная двумя драконами, дышущими пламенемъ. На ней сидѣла Шейтанъ-Кули въ черномъ платьѣ,

держа въ рукѣ жезлъ, съ которымъ она дѣлала заклинанія. — Недостойный сынъ своея матери, кричала она исполину, возможно ли, чтобы скитающійся слабый непріятель могъ побѣдить тебя? Екберъ - Мулькъ не можетъ торжествовать надъ твоею слабостію, когда еще существуетъ Шейтанъ - Кули —Выговоривъ сіе, махнула своею тростью по воздуху. — Все изчезло, и Субгановъ сынъ упалъ на землю, будучи погруженъ въ глубокой сонъ.

Не много спустя времени, онъ просыпается, ищетъ вокругъ себя своего жезла - - - Но что? - - Одежда его перемѣняется въ прекрасныя розовыя и бѣлыя перья, руки дѣлаются крыльями, вмѣсто чалмы, лазоревой съ блескомъ является на головѣ хохолъ; словомъ, онъ превращенъ сталъ въ птицу. — Представь себѣ, читатель, сколь чрезвычайное было удивленіе Дамасскаго Принца! Онъ ничего не видалъ вокругъ себя, кромѣ однихъ произрастающихъ

различнаго рода деревъ и пустыни. Чувствуя легкость, леталъ онъ долго по лѣсу наконецъ утомившись, сѣлъ на зеленой травѣ, и предался смущеннымъ своимъ мыслямъ. Находясь въ семъ состоянiи, услышалъ онъ подлѣ себя въ кустахъ шорохъ. Онъ взглянулъ на ту сторону, гдѣ увидѣлъ прекраснаго мальчика, которой наложилъ на лукъ стрѣлу, и мѣтилъ ею въ превращеннаго Принца; послѣ сего вдругъ переломилъ лукъ и стрѣлы, и сѣвши не подалеку отъ Екберъ-Мулька, глядѣлъ на него пристально. Принцъ, дивяся сему произшествiю, почувствовалъ нѣкое стремленiе, вдаться въ руки мальчика, и для сего подлетѣвъ, сѣлъ къ нему на руку.—О Алла! вскричалъ мальчикъ, естьли я не ошибаюсь, што ето точно Екберъ-Мулькъ. - - - Такъ, ето онъ, продолжалъ мальчикъ, видя что Принцъ при сихъ словахъ трепеталъ крыльями — Разсматривая долго Дамасскаго Царевича, взялъ его въ руки, и вставъ съ мѣста, пошелъ сквозь дерева. Екберъ-Мулькъ ви-

дѣлъ прекрасный проспектъ, ведущїй къ великолѣпному замку. Онъ узналъ, что въ сихъ мѣстахъ обитала Серага, волшебница, благодѣтельствующая Сумашрской Принцессѣ, его любовницѣ.

Мальчикъ, (которой былъ духъ явившїйся Принцу въ водяномъ замкѣ, когда онъ ударилъ палочкою въ барабанчикъ), принесъ его въ большую залу, гдѣ находился золотой съ драгоцѣнными камнями тронъ, на которомъ торжественно сидѣла Серага, окруженная духами. Наилучшїя Американскїя птицы, махая своими крыльями, чинили прохладу, и два духа, подобные купидонамъ, цѣловали, сидя на ступеняхъ трона, ноги волшебницы; одежда на ней была изъ прозрачнаго восточнаго полотна, на плечѣ имѣла водїакъ, а въ правой рукѣ тотъ самой жезлъ, которой получилъ Принцъ отъ Магомета. Она какъ скоро увидѣла Екберъ-Мулька — долго дожидалась я прихода твоего, говорила, но нынѣ чрезвы-

чайно радуюсь, что увидѣла тебя въ моемъ замкѣ, любезный сынъ мой — По семъ дотронулась жезломъ до Принца, который къ великой своей радости получилъ прежнїй образъ. — О покровительница несчастныхъ, вскричалъ Принцъ, бросившись предъ трономъ Сераги! сынъ Субгановъ не можетъ изрещи той признательности, которую чувствуетъ его сердце. — Встань, сынъ мой, говорила волшебница, судьба прекращаетъ гоненїя, и напасти удалятся вскорѣ — Выговоривъ сїе, заплескала она руками; вдругъ отворились двери одной комнаты, и четыре черные исполина вывели отягченныхъ оковами злобную Шейтанъ-Кули и ея сына. Екберъ-Мулькъ дрожалъ отъ страха, видя своихъ враговъ — Не опасайся, сынъ мой, сказала Серага, нечестивые непрїятели наши не въ состоянїи вредить тебѣ; власть ихъ не дѣйствительна, и они получатъ вскорѣ достойное наказанїе своея лютости. —

Принцъ сколько ни претерпѣлъ напастей отъ Шейтанъ-Кули и ея дѣтей; но видя ее погруженную въ унынїе ощущалъ соболѣзнованїе въ своей душѣ. Онъ ожидалъ опредѣленїе казни изъ устъ Сераги съ прискорбїемъ. — Таковое-то всегда бываетъ чувствованїе благородныхъ душъ!

Напослѣдокъ наступила рѣшительнная минута, и Серага изрекла сїе: ,, по предписанїю судебъ власть твоя, Шейтанъ-Кули, долженствуетъ уменьшиться моимъ могуществомъ, и въ наказанїе за твои злодѣйства повелѣваю я двумъ духамъ вѣчно терзать тебя и твоего сына — Екберъ-Мулькъ не могъ безъ жалости слышать сїе опредѣленїе — Могущая Серага, говорилъ онъ, естьли небо по правосудїю казнитъ преступниковъ, то не менѣе оно имѣетъ и милосердїя въ ихъ наказанїи, и такъ сообразуяся съ нимъ, прошу я, умягчи твое определенїе надъ сими несчастными — Ахъ! Принцъ, прервала бла-

годѣтельная волшебница, сїе нѣжное твое чувствованїе меня трогаетъ и для сего, сколько ни разсѣяли бѣдственныхъ заразъ сїи презрительныя творенїя, я мощна отмѣнить мой приговоръ, и поступить нѣсколько великодушнѣе: но дабы не совсѣмъ оставить безъ казни сихъ извергов, то опредѣляетъ судьба лишить злобную Шейтанъ-Кули всей ея власти — Произнесши сїи слова, начала она чинить заклинанїя; туманъ покрылъ ее всю; потомъ мгла изчезла, волшебница Серага явилась пламенною, и огненныя искры, излетая изъ ея устъ, садились на головы Шейтанъ-Кули и ея сына, чрезъ что принуждали ихъ ревѣть ужасно. Послѣ сего страшный духъ съ верблюжьею головою, козлиными ногами, и съ долгимъ хвостомъ сорвалъ съ Шейтанъ-Кули зодїакъ, заключающїй въ себѣ таинства волшебства, и подхвативъ ее съ сыномъ, изчезъ въ одно мгновенїе ока.

Екберъ-Мулькъ стоялъ не подвиженъ отъ страха и удивленїя, но Сера-

но Серага своею ласкою его ободрила. Сынъ мой, говорила она, злобная Шейтанъ-Кули и ея сынъ получили наказанїе; по твоему прошенїю я уменьшила ихъ казнь, и лишивши ихъ прежняго могущества, повелѣла явившемуся страшному духу пренести ихъ на необитаемый островъ, гдѣ сей духъ всечасно будетъ представлять имъ ихъ злодѣянїя. Мальчикъ, которой тебѣ явился въ лѣсу съ лукомъ и стрѣлами, когда ты былъ превращенъ въ птицу отъ Шейтанъ-Кули, былъ мой духъ, посланный для исканїя тебя. Онъ тотъ самой, которой въ водяномъ замкѣ предсталъ предъ тебя чрезъ барабанчикъ, и говорилъ стихами повелѣнїе отъ мумудраго Текаддеса.— Едва сїе окончала, какъ съ великимъ вихремъ влетѣлъ въ залу духъ въ легкомъ лазоревомъ платьѣ, неся въ рукахъ золотую клетку, въ которой сидѣла прекрасная бѣлая птица. — Вотъ Принцесса Аталь-Гакка, сказалъ духъ, я ее чрезъ многїя опасности нашелъ на необитаемомъ

островѣ, лежащемъ на Индѣйскомъ морѣ. Сказавъ сіе, сокрылся. Ахъ, благодѣтельная Серага, вскричалъ Принцъ, ты меня избавила отъ превращенія въ птицу, теперь наступило время даровать образъ человѣка Аталь-Гаккѣ, претерпѣвающей со мною равную участь. — До сего не простирается моя власть, отвѣчала волшебница; судьба повелѣла мнѣ освободить тебя отъ очарованія, но Принцессу одинъ только Текаддесъ избавить отъ превращенія можетъ. — При сихъ словахъ Принцъ отъ жалости, видя свою любовницу во образѣ птицы, рвался и плакалъ; Аталь-Гакка равнымъ образомъ трепетала крыльями, и кричала. Нѣжность ея и въ семъ превращеніи не могла сокрыться. Она кричала, но крикъ ея былъ прелестенъ; ибо онъ былъ нѣжнѣе голосу соловья. Волшебница Серага приказала служащимъ ей духамъ принести курильницу, что они и исполнили.

Золотая курильница, наполненная горящими угольями, отъ коихъ исходило благовоніе, была постав-

лена въ одну минуту предъ волшебницею, которая, вырвавъ три волоса изъ своей головы, бросила въ нее, и говорила неизвѣстныя слова. Отъ сего поднялся дымъ, которой, мало по малу изчезая, представилъ очамъ Принца премудраго Іолъ-Текадесса. — О мой отецъ! вскричалъ Екберъ-Мулькъ, не мечта ли является моимъ очамъ? Нѣтъ, ето истинно, я осязаю мудраго моего наставника. — Принцъ, говорилъ Текаддесъ, я доволенъ тѣмъ, что твое сердце по толикихъ несчастіяхъ, претерпѣнныхъ тобою, не охладѣло къ любленію добродѣтели. Твоя любовница требуетъ помощи. Исполнимъ. Сказавши сіе, очертилъ клетку волшебнымъ жезломъ, которой имѣлъ въ рукѣ, и произносилъ магическія слова. Клетка разрушилась и прекрасная Ашаль-Гакка явилась въ полной своей красотѣ предъ собраніе. — О небо! возопилъ Принцъ, прелестная Ашаль-Гакка! солнце моея жизни! не тѣнь ли твоя являетея въ моихъ глазахъ? Дамасскій Принцъ получаетъ новую

жизнь, видя свою любовницу. — О свѣтъ очей моихъ! говорила Принцесса, источникъ, оживляющїй цвѣты моея юности! играющая нами судьба умягчилась, и вручила насъ другъ другу. — За сими словами слѣдовали восхитительныя объятїя и радостныя слезы. Іолъ-Текаддесъ и Серага плакали отъ удовольствїя видя своихъ воспитанниковъ.

Наконецъ Кабалистъ прервалъ ихъ восхищенїя. — Дѣти мои, говорилъ онъ имъ, прежде вашего брака опредѣленїе судебъ повелѣваетъ вамъ вмѣстѣ предприять непродолжительное путешествїе къ странамъ Запада. Тамъ вы найдете великолѣпный замокъ, называемой *замкомъ сочетанїя*, гдѣ должны вступить въ бракъ. — Произнесши сїе, перенесъ ихъ во мгновенїе ока на прекрасную долину, и оставилъ однихъ. — Принцесса, презрѣвши прежнїе страхи, съ восхищенїемъ лобызала своего любовника, который равномѣрно сему соотвѣтствовалъ. Напослѣдокъ, призвавъ въ

покровительство своихъ защитителей, отправились они въ путь. Прекрасные луга, испещренные цвѣтами, встрѣчались ихъ очамъ, а пѣнїе птицъ было имъ спутникомъ. Принцъ желалъ знать приключенїя Аталь-Гакки, а Принцесса его, отъ чего произошелъ между ими любовной споръ. Екберъ-Мулькъ хотѣлъ напередъ быть свѣдомъ о несчастїяхъ Аталь-Гакки, но сїя пылала желанїемъ знать о дѣйствїяхъ его храбрости. Они было положили уговоръ, чтобъ тотъ напередъ сказывать началъ, кто болѣе имѣетъ жара въ любви, но оба были въ семъ равны. Послѣ сего Екберъ-Мулькъ согласился увѣдомить ее о своихъ приключенїяхъ, и разсказавши о всѣхъ своихъ несчастїяхъ, просилъ Принцессу, чтобъ она его увѣдомила о своихъ, которая начала такъ:

ПРИКЛЮЧЕНІЯ ПРИНЦЕССЫ *АТАЛЬ-ГАККИ.*

Когда ты побѣдилъ у ручья малорослаго брата Шейтанъ-Кули, то два Грифа, коихъ ты не могъ видѣть, подхватили меня и старика на свои хребты. Они летѣли съ чрезвычайною скоростію, и я находясь въ безпамятствѣ, не могла примѣтить, куда насъ они несли. Напослѣдокъ остановились на вершинѣ каменной горы, посреди которой росло ужасной величины дерево, сокрывающее вѣтви свои подъ облаками. Малорослый старикъ взялъ меня за руку, и подшедъ къ дереву, ударилъ въ него ногою. Дерево растворилось съ трескомъ. Ожидай здѣсь до-

стойнаго тебѣ награжденія, сказалъ мнѣ старикъ; ты будешь спокойна, естьли будешь соотвѣтствовать предложеніямъ дѣтей Шейтанъ-Кули. Сказавъ сіе, посадилъ меня въ растворившееся дупло, а самъ сокрылся. Разсѣлина здѣлалась по прежнему, и я осталась посреди ужаса и страха. — О небо! вѣщала я, съ сего часа возобновились мои бѣдствія; несчастная Ашаль-Гакка! ты разлучилась съ своимъ родителемъ, съ своею благодѣтельницею Серагою, и наконецъ съ прекраснымъ Екберъ-Мулькомъ, своимъ любовникомъ.

Сіи слова произносила я въ своей горести; одно мнѣ осталось утѣшеніе, дабы умереть. Осушивши слезы, вспомнила я о золотомъ прутикѣ, которой мнѣ дала Серага волшебница. Я его нашла заткнутымъ за поясъ. Съ великою радостію взяла его въ руки, и призвавъ имя благодѣтельницы моей, махнула имъ на правую сторону. Въ одну минуту невидимая рука исхитила меня

изъ пагубнаго сего мѣста, и я зрѣла себя сидящую въ прекрасной долинѣ, вокругъ которыя произрастали древеса обремененныя плодами. Утомленная голодомъ сѣла я нѣсколько плодовъ, и принося благодаренїе небесамъ, легла подъ тѣнїю одного дерева. Сладкїй сонъ, единое прибѣжище несчастныхъ, принялъ меня въ свои объятїя, и представлялъ въ мысленныхъ очахъ моихъ всѣ прошедшїя мои увеселенїя. Любезный мой родитель, Серага, и ты, дражайшїй Принцъ, являлись мнѣ постепенно. Но сїе спокойное видѣнїе не долго продолжалось. — Я проснулась. — О небо! сколь великїя бѣдствїя ты для меня приготовляло! Во время сна моего похищенъ былъ мой золотой прутъ, и свирѣпый тигръ, схвативъ меня за одежду своими когтями, помчался съ великою скоростїю чрезъ долину. Трепетъ лишилъ меня дыханїя, и я пришла въ чувство, когда съ вихремъ внесъ меня тигръ въ невѣдомый мнѣ замокъ, гдѣ

увидѣла я тебя, любезный Царевичь.

Въ то время, когда ты поражалъ саблею тигра, я во ужасѣ просила небо вспомогать тебѣ. Тигръ палъ подъ твоимъ мечемъ, и паки вихрь унесъ меня отъ твоихъ очей. Гонящая меня судьба вручила Зерудану, второму сыну злобныя волшебницы Шейтанъ-Кули, который меня во образѣ вихря похитилъ изъ замка, и перенесъ въ сдѣланныя подъ землею комнаты, освѣщенныя множествомъ лампадъ. — Въ сіи мѣста, говорилъ онъ мнѣ, не достигнетъ дерзкой твой любовникъ, и естьли ты, Принцесса, не согласишся меня любить, то пострадаешь вмѣстѣ съ Екберъ-Мулькомъ отъ моей руки. — Я отвѣчала на сіе презрѣніемъ; но онъ смѣялся тому, и оставилъ меня въ страшныхъ сихъ комнатахъ. День прошелъ, и я не видала ни одной изъ тварей одушевленныхъ. Прекрасно убранная постеля, подлѣ которой стоялъ истуканъ съ стрѣлою, при-

влекла на себя мое вниманіе. Я принесши моленіе къ небесамъ, легла на нее. - - - Чтожъ по семъ сдѣлалось со мною? Чувства меня оставили, и я претворилась въ мраморъ.

Не знаю, долго ли находилась я въ семъ положеніи; но со всѣмъ тѣмъ я могла узнать тебя, дражайшій любовникъ, когда ты лобызалъ мои уста. Сердце мое трепетало, и душа моя желала соединиться съ твоею; но я не могла ни малѣйшаго сдѣлать движенія. Сіе тебя опечалило, и ты сокрушивши всѣ уборы, лишь только коснулся до истукана, стоявшаго подлѣ меня, какъ я пришла въ чувство, и бросилась къ тебѣ. Посреди нашихъ восхищеній, и послѣ того, какъ ты убилъ Зерудана, сына злой волшебницы, представшаго въ видѣ дракона, я лишилась паки чувствъ, и не знаю, какимъ случаемъ досталась въ власть третьяго сына Шейтанъ Кули.

Сей былъ гораздо ужаснѣе своихъ братьевъ. Сперьва онъ поступалъ со мною ласково, но видя, что я отвергала всѣ его мерзкїя ласки, грозилъ мнѣ мщенїемъ. Онъ изобрѣталъ иногда для меня веселости, кои я отвергала; иногда мученїя, къ коимъ я стремилась съ радостїю. — Въ одинъ день пришелъ онъ ко мнѣ въ пещеру, въ которую заключилъ меня, и говорилъ мнѣ съ веселымъ лицемъ: Принцесса! будешь ли ты любить меня? Но я напрасно о семъ тебя вопрошаю, ибо ты и по неволѣ можешь сїе исполнить. Знай, продолжалъ онъ, что ты съ твоимъ любовникомъ вѣчно не соединишся. Онъ умеръ отъ руки моея матери. Теперь осталось тебѣ любить одного меня; когда же сего не исполнишь, то возчувствуешь на себѣ всѣ роды мученїй. — Злодѣй, говорила я, хотя бы тысячу разъ ты приготовлялъ мнѣ смерть, но я не устрашусь сего — Какъ скоро я сїе выговорала, чудовище подхватило меня на хребетъ, и въ одну минуту перенес-

сло на прекрасное поле, посреди коего стоялъ златотканный шатеръ, а подлѣ него дышущїй пламенемъ левъ былъ прикованъ на серебряной цѣпи. Левъ преклонилъ предъ сыномъ Шейтанъ-Кули голову въ знакъ повиновенїя, и спустя нѣсколько часовъ, ты показался предъ шатромъ. Твоя храбрость побѣдила стрегущаго шатеръ звѣря, и съ нимъ сына волшебницы. Я льстилась надеждою предаться въ твои объятїя, но страшное чудовище похитило меня отъ твоихъ взоровъ.

Оно несло меня чрезъ страшныя пустыни, наконецъ оставило въ рукахъ молодаго человѣка, котораго я боялась болѣе всѣхъ страшилищъ, ибо онъ былъ одинъ изъ дѣтей Шейтанъ-Кули, и видъ человѣческой, которой даровала ему природа, болѣе казался для меня ужаснымъ. Съ тысячами оскорбительныхъ словъ взялъ онъ меня за руку, и водя чрезъ лѣса, привелъ меня въ садъ, подлѣ коего на воздухѣ построенъ былъ

хрустальной замокъ. — Сіи мѣста будутъ сокрывать тебя отъ взоровъ смертныхъ, говорилъ онъ мнѣ; но естьли, разрушивши очарованія, найдетъ тебя здѣсь Екберъ Мулькъ, то ты увидишь смерть предъ своими очами. — Сказавъ сіе, ввелъ онъ меня во внутренность замка, и оставилъ одну. По нѣсколькихъ часахъ онъ явился опять съ золотою булавою, и съ угрозами введши меня въ залъ, готовился меня убить; но ты, любезный Принцъ, умертвивши сего изверга, освободилъ меня отъ смерти.

Свирѣпствующій рокъ паки разлучилъ насъ. Сильный вѣтръ, разрушивши хрустальное зданіе, похитилъ меня, и я находясь безъ чувствъ, опомнилась уже въ рукахъ пятаго сына Шейтанъ-Кули. Сей былъ подобенъ въ лютости своимъ братьямъ, и самая наружность изображала его злобный нравъ. Онъ для лучшаго соблюденія меня отъ твоея, Принцъ, руки и храбрости, перенесъ въ построенныя волшебствомъ водяныя

комнаты, въ коихъ возставилъ заклинательными словами множество чудовищъ, дабы воспрепятствовать тебѣ входъ, зная, что ты посѣтишь его: но тебя сїе не удержало; ты разрушилъ очарованїя, убилъ сего сына волшебницы, и поспѣшалъ къ славѣ.

Какъ скоро ты умертвилъ сего волшебника, превратившагося въ змїя; все изчезло, подобно мечтѣ, и я не видала ни тебя, ни сына Шейтанъ-Куии, ни водяныхъ комнатъ. Страшная пустыня представилась моимъ взорамъ. Болоты, каменныя горы и непроходимыя лѣса отовсюду меня окружали. Изнуренная голодомъ и жаждою зашла я въ чащу лѣса подъ кипарисной кустъ. Размышляя о плачевной моей участи, простерла я свои глаза на окрестности, старецъ почтеннаго образа явился моимъ очамъ. Одежда его была изъ тонкаго полотна, по чресламъ висѣлъ зодїакъ, а въ рукѣ держалъ онъ слоновый жезлъ. — Дочь моя, говорилъ онъ мнѣ, познай во мнѣ

Текаддеса, воспитателя твоего любовника. Гонящая васъ судьба начинаетъ прекращать ваши напасти, и за претерпѣнныя вами бѣдствія соединяетъ васъ другъ съ другомъ. Я предсталъ предъ тобою, дабы разогнать твое сокрушеніе, и ободрить тебя къ понесенію послѣднихъ приключеній; уповай на небо, дочь моя, и надѣйся на покровительство пророка. — Сказавъ сіе, сокрылся, и оставилъ меня ободренною своими словами. Не ощущая глада и жажды, принесла я моленіе небесамъ, и пошла, куда влекла меня судьба.

По нѣсколькихъ часахъ достигла я одного ручья, которой, протекая по цвѣтущему лугу, орошалъ благовонныя травы. Я сѣла на берегу сего источника, и примѣчая его струи, къ великому моему ужасу узрѣла мало рослаго старика, брата Шейтанъ Кули. При семъ предметѣ я вскричала, и увидѣла тебя, любезный Принцъ, готоваго къ моей оборонѣ. Когда ты убилъ сего чародѣя, возмечта-

лось мнѣ, будто тебя похитилъ крылатой драконъ, а предъ меня предстало чудовище. Съ страхомъ я бросилась отъ него въ ручей, и желала умереть въ струяхъ его. Но небо приготовляло мнѣ новыя искушенія. Исполинъ шести локтей исхитилъ меня изъ воды, и проговоря магическія слова, покрылся со мною густымъ облакомъ, которое съ великою скоростію понесло насъ къ западу. Я пребывала безъ чувствъ, и не знаю, какимъ образомъ очутилась въ рукахъ девятилокотнаго исполина, того чудовища, который сватался за меня у моего отца. Воззрѣвъ на него, пришла я въ великой обморокъ; но не много спустя, ты появился для пораженія сихъ враговъ нашихъ.

По убіеніи двухъ исполиновъ, злая волшебница Шейтанъ-Кули похитила меня въ свое жилище, кое лучше назвать можно обиталищемъ тартара. — Слабая непріятельница, говорила она мнѣ, чрезъ тебя я лишилась любезныхъ

дѣтей

дѣтей моихъ, и для сего готовься къ понесенію праведнаго моего мщенія. Съ сими словами произнесла она страшныя заклинанія, призывая въ помощь себѣ весь адъ, и претворила меня въ птицу. Заключивъ въ золотую клетку, приказала она духу отнесть меня на необитаемый островъ, откуда благодѣтельный Іолъ-Текаддесе посредствомъ духа перенесъ меня въ замокъ моея покровительницы Сераги. — Вотъ, любезный Принцъ, мои несчастія. —

Екберъ-Мулькъ благодарилъ свою любовницу за увѣдомленіе о ея приключеніяхъ восхитительными лобзаніями. — Сколь я счастливъ, говорилъ онъ; ахъ, прекрасная Аталь-Гакка! я не помню прошедшихъ моихъ бѣдствій, но знаю только то, что я соединенъ съ тобою.

Солнце начинало удаляться съ Горизонта для посѣщенія другаго

полшара земли. Вечерняя роса оживотворяла растѣнія, и вся твердь озлащалась блескомъ румяныя зари. Не чувствуя ни малѣйшей усталости, Принцъ и Принцесса достигли одной горы, испещренной различными цвѣтами. На ея вершинѣ былъ воздвигнутъ великолѣпный замокъ, превосходящій всѣ пышности Царей Асійскихъ. Надъ вратами сего замка блистало златое начертаніе, знаменующее сіе: *замокъ сочетанія.*

Ахъ, любезный Принцъ, говорила Аталь-Гакка, мы достигли нашего благополучія; вотъ то зданіе, гдѣ намъ обѣщано неразлучное соединеніе. Едва сіе она выговорила, какъ десять духовъ, гораздо прекраснѣйшихъ, нежели полная луна, встрѣтили любовниковъ при подошвѣ горы. Окруживъ Принца и Аталь-Гакку, ввели они ихъ во внутренность замка, гдѣ вокругъ сдѣланнаго изъ цвѣтовъ жертвенника сидѣли на софахъ Іолъ-Текаддесе, Сера-

га, Субганъ, отецъ Екберъ-Мулька съ своею Султаншею и Суматрскій Султанъ, родитель Принцессы.

Пусть вообразитъ читатель тѣ восхищенія, которыя были при свиданіи сихъ особъ — О родитель мой! О сынъ мой! О дочь моя! повторялись слова. Радостныя слезы, обьятія и восклицанія продолжались нѣсколько часовъ. Наконецъ премудрый Іолъ-Текаддесе прервалъ восторгъ ихъ: онъ предъ воздвигнутымъ жертвенникомъ повелѣлъ любовникамъ возобновить клятвы. По семъ соединилъ ихъ неразрывными узами брака. Два мѣсяца протекли въ веселостяхъ, по прошествіи коихъ Субганъ съ любовниками былъ отнесенъ духами въ Дамаскъ, а отецъ Аталь-Гакки въ Суматру.

Арабской сочинитель, писавшій сію повѣсть, не означилъ, дол-

го ли продолжалась жизнь любовниковъ, и остались ли послѣ ихъ потомки, но только упомянулъ о томъ, что ихъ вѣкъ протекъ въ объятіяхъ нѣжностей, увеселенія и благополучія.

Конецъ.

го … обов-
ни … после
их … упо-
м … вѣкъ
пр … щей,
… .

